

and so θ is acute.
and 2π , $\cos \theta = \sin \theta$
Retraces its steps.

Виктор Николашин

Не только еда

Книга первая, часть первая

16+

Виктор Николашин

Не только еда. Книга первая. Часть первая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39855636

SelfPub; 2019

Аннотация

Что именно смотрит из тёмного угла, когда ты ложишься спать, и чьи взгляды ты чувствуешь на себе ночью? Что приходит к тебе среди ночи, когда ты – проснувшись от чьего-то присутствия – в ужасе лежишь, не способный пошевелиться? Что нападает на тебя, когда в людном месте вдруг неожиданно накатывает волна помрачения и слабости? Может ли оно тебя убить? Как с этим бороться? Можно ли победить?

Часть первая

Школа выживания

Если вы не верите в призраков,
Это ещё не значит, что призраки не верят в вас.

Пролог

Я, Анитта, Великий Царь Мира, сын Питхана, правнук Гупасия, (что) помог Великой Матери Богов Инаре и сыну её, Богу Бури Ишкуру, победить Великого Дракона Иллуянку, прошу тебя, Великий жрец Тешшуба-грозоносца, о помощи. Отец мой, Взошедший воедино с Богами, когда я остался хранить лестницу на власть Его, захватил Нессу, город нечестивых торговцев, поклоняющихся Сиусумме. Намереваясь разграбить город, он (вошёл) в него как хозяин и захватил его, а в знак власти вывез из храма поганый идол Сиусумы. Жрецы храма прокляли его. И тут же зло вошло в наш мир. Зло великое, имени недостойное. Страшный бог, что есть Страх, ужасен. Птица смерти есть суть его. Две головы у него, одна смотрит в этот мир, и взгляд его устремлён в помыслы и деяния, вторая же смотрит в тот мир, и взгляд его устремлён во души и сны. И два крыла у него, и в каж-

дой лапе его по камню в виде зверя, и ходит он, опираясь на эти камни, так как земля (его) не носит, и так обманывает он её. И Бог этот (явился) с армией своей и повернул устремления Отца моего, и возлюбил он и нечестивую Нессу, да будет проклят этот город, и царство своё туда явил. И армия зла, имени недостойного, стала являться по ночам, и страхом убивать, и есть они, но их нет, но они есть и вот они. И есть (многие, что столь) нечестивы, (что) у каждого в лапах по камню, ибо долго земля не держит их, даже самых малых, и что летают они, и высоко, и низко, и морок наводят, и не всегда стуки камней слышны. Зло идёт ночью по земле Моей, и нападает ночью, и убивает всех, не щадя ни раба, ни вельможу. И бросают они (камни) свои, и готовятся напасть. А кто выжил рассказывают, что слышат стук камня над головой своей, и никогда сбоку или снизу, и ночью приходит оно, и садится на ложе, и на грудь, и смотрит, и взглядом своим душу пьёт, и ни крикнуть, ни пошевелиться, и пока не напьётся души оно, то не уйдёт. А ещё смотрит зло из тьмы и в каждом углу по злу, и ночью дыхание воруют и покой, и волосы белеют, и не сделать ничего. Я (вернул идола) Сиусуммы обратно в Нессу, но смеялись жрецы храма и сказали: «Поздно, дело сделано (твоим) отцом, это проклятие твоё на тебя и на весь мир твой, и все вы будете страдать, пока страх камни в когтях трижды не источит и не (поглотит) земля зло, имени недостойное, и возлюбите вы его, поскольку зло (отныне есть) хозяин душ всех людей, и

жить вы будете под ним, и потомки твои над тронем его воздвигнут и будут прокляты они, как проклят ты, как и твой отец». И явился мне камнедержец, и (смотрел) на меня двумя головами своими, одной на меня, а другой внутрь души моей, и убоился я, и бежал из (храма) их, и покой потерял. И захватил я Хатгуссу, и во злобе своей убил я город этот и проклял его, чтобы моё (проклятие) на них изошло, но не изошло оно. И захватил я Шалативару, и не убил я (город), и отдали мне власть и волю железные, но не воссел я на власть и волю с собой увёз обратно в Нессу, ибо власть зла надо мной, и (призвало) оно меня. И построил я новый храм Сисумме, и не спасло это меня. И каждую ночь чую взгляды зла и чую зло и вижу, как они ходят ночами вокруг меня, и слышу камни (в лапах) камнедержца, имени недостойного, когда идёт он ко мне по дворцу моему, и (чувствую) крылья его, и сделать ничего не могу. И должен я каждый день убивать зверя, чтобы зло не (погубило) меня. Помогите мне, великий жрец Тешшуба-грозоносца, воздай (молитвы) за меня и за спасение моё. Шлю тебе дары и...

Литературный перевод с фрагмента клинописной глиняной таблички, датированной приблизительно 1750-м годом до нашей эры, приобретённой в личных целях у торговцев, предположительно распространяющих антикварные ценности, продаваемые боевиками террористического государства, за две тысячи долларов США. Коллекционер из Испа-

нии предпочёл остаться неизвестным...

1181971317998676033065144972530709341803

Сергею не спалось.

С тех пор, как мама уехала в командировку, каким-то абсолютно мистическим образом нарисовавшуюся там, откуда не ждали, в его квартире начали происходить какие-то странные вещи. Вот уже третий день по ночам с кухни и коридора раздавались то какие-то стуки, то скрипы, и всё это время – с тех пор, как стемнеет, и до самого утра – его не прекращало преследовать ощущение, что за ним постоянно кто-то смотрит, то из тёмного угла за креслом, то из неосвещённого коридора, то из-за шкафа в большой комнате. Естественно, что там никого не было, но вот это вот ощущение взгляда не переставало его тревожить. Он пытался закрывать дверь в свою комнату, но тогда появлялось ещё более пугающее ощущение от того, что за ней кто-то есть.

Он пытался оставлять свет включённым, но тогда он не высыпался вообще, а вставать надо было в шесть утра, чтобы ехать в колледж, чуть ли не на другой конец города, а три раза в неделю у него была акробатика, после которой он вообще приходил выжатым как лимон. Тем более что класс был выпускным, и на следующий год ему надо было поступать в медицинский. Списав это на то, что мама уехала в двухнедельную командировку и он впервые так надолго дома один,

Сергей просто пытался не обращать на это внимание.

А вчера ночью произошло нечто, вообще не входящее ни в какие ворота. Сергей проснулся от странного звука, как будто какой-то камень упал на бетон этажом выше, и немного попрыгав, остановился. Он прислушался к темноте. Неожиданно возникло чёткое ощущение того, что на угол его кровати, в ногах, село или забралось что-то тяжёлое, от чего матрас прогнулся и одеяло слегка натянулось. Он попытался пошевелиться, но не смог. Ужас, первобытный животный ужас заполонил Сергея, он не мог не то что закричать, но даже просто открыть глаза. В парализующей, неподвижной и беззвучной панике он ощущал, как это нечто двигается по кровати к его груди и голове, и никак не мог этому помешать. Он почувствовал, как нечто заползло ему на грудь, и услышал и ощутил его дыхание в лицо. Сергею стало нечем дышать.

Вдруг он каким-то образом понял, что в дверном проёме появилось нечто, нечто большое и не менее страшное, и услышал едва различимый, зловещий полушёпот-полусвист:
– Хиссс... Хиссс...

Нечто остановилось, спрыгнуло с кровати (Сергей это чётко почувствовал), и его тут же отпустило, но он всё равно не решался открыть глаза до тех пор, пока это что-то большое, пугающее и тревожно опасное не исчезло из дверного проёма.

Сергей – как интересующийся медициной и собравшийся

поступать на хирургический факультет – весь текущий вечер провёл в интернете, пытаясь выяснить, что же такое ночью с ним произошло. Википедия выдала статью про сонный паралич, но ни ранней симптоматики, ни групп риска, ни предшествующих признаков там описано не было, да и вообще – заболеванием это не считалось. Единственное, что было там указано, что почти восемь процентов людей как минимум один раз в жизни это пережили и что чаще всего это явление встречается у больных нарколепсией. У них это явление было у сорока пяти процентов заболевших, но этих заболевших всего двадцать-сорок человек на сто тысяч, и они просто более качественно относятся к своему сну и всему, что с этим связано. И многие из обычных людей попросту не заявляли о том, что с ними такое происходило вообще, так что всё, что он узнал, это то, что никто ничего не знает и что это явно не болезнь.

А этой ночью он не спал.

Он ворочался, пытаясь улечься и так и эдак, но сон к нему не шёл от слова «совсем». Шёл уже первый час ночи. Сергей всё так же чувствовал, что через незакрытую дверь за ним наблюдают из тёмного угла соседней комнаты. Это его тревожило, но он не знал, как к этому относиться.

Вдруг раздался звонок в домофон. Сергей насторожился, но решил не подходить. Мало ли кто ошибся, или это БОМЖ какой-нибудь прозванивает все квартиры в надежде, что ему откроют и он сможет в подъезде переночевать.

Домофон отпищал свою трель, но через несколько секунд снова начал звонить. И тут Сергей почему-то понял, что надо обязательно подойти к нему. Странное чувство охватило его, и он даже не заметил, как за окном погасли все фонари.

Неожиданно для себя встав с кровати и подойдя к домофону, он странно медленно снял трубку и включил связь.

– Помогите! Откройте! – раздался в трубке рыдающий детский голос, судя по тембру – принадлежавший девочке лет двенадцати. – Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей вздрогнул. Такого он не ожидал. Голос был очень похож на голос дочки соседей из квартиры напротив.

– Откройте! – рыдания стали настолько сильными, что в голосе слышались панические вскрипы. – Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей нажал на кнопку. Перед тем, как отключиться, домофон передал писк и лязг открывающейся двери. Сергей остался у двери и стал наблюдать в глазок. Странное чувство наполнило его. Какая-то скрытая тревога тяжестью надавила на солнечное сплетение.

На его этаже остановился лифт. В глазок Сергей увидел, как из него вышла плачущая девочка лет двенадцати, абсолютно незнакомая и как-то странно одетая, вроде бы так, а вроде бы и не так. И направилась она прямо к его двери. Девочка рыдала взахлёб.

– Откройте! – плача, взмолилась она. – Помогите! Они

меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей смотрел в её кажущиеся бездонными глаза. Он не видел ничего, кроме её глаз, всё остальное как бы исчезло из его сознания, отошло на второй план, растворилось в каком-то мареве.

– Откройте! – снова прорыдала девочка. – Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Онемевшей рукой Сергей потянулся к ключу. То, что губы девочки не двигаются, а голос звучит как бы в его голове, он не замечал. Дважды медленно провернулся замок, и он открыл дверь навстречу этой девочке.

Дверь распахнулась, и волна непонятного чувства тревоги так резко нахлынула на Сергея, что он невольно попятился назад по коридору.

– Помогите! – рыдала девочка, входя к нему в квартиру, и странное, как будто обратное эхо сопровождало её восклицание. – Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

От какого-то неоощуяемого сквозняка дверь медленно закрылась за её спиной. Сергей стоял в нескольких метрах от неё и – не в силах сдвинуться с места – замороженно смотрел на то, как она медленно приближается.

– Помогите! – снова прорыдала девочка и потянулась к нему своими руками со странно узловатыми пальцами. – Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Сергей с ужасом увидел, как её уголки губ странной едва заметной складкой уходят куда-то назад, за уши, а зубы

неестественно острые. От девочки повеяло холодом. Пошевелиться он не мог.

Девочка продолжала приближаться. Она больше не рыдала, а её рот вдруг скривился в какой-то странной ухмылке, приоткрывшись чуть ли не до ушей и показав длинный ряд из множества кривых и острых, как иглы, зубов.

Чудовище подошло к Сергею, взяло его за запястья и, ухмыльнувшись, прошипело:

– Откройте! Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

Тварь потянула руки Сергея вниз, и он медленно встал на колени. Его глаза оказались точно напротив неестественно увеличившихся глаз чудовища. Они были бездонно чёрными. Ни отблеска, ни блика, словно две дыры в никуда. Взгляд парня как будто тонул в них, пропадая, и он не мог ни моргнуть, ни отвести в сторону свои до рези высохшие глаза. Пасть зверя медленно начала открываться, и на Сергея пахнуло запахом плесени и гнили.

– Помогите! – раздавалось у Сергея в голове, только это теперь был какой-то совсем уже не детский, а страшный, но чарующий голос, полностью захвативший волю подростка.

Чудовище медленно сжало руки Сергея. Затрещали кости. От боли юношу выгнуло назад, и он – запрокинув голову – беспомощно ждал развязки происходящего. Больше ничего он сделать не мог. Дрожащая от зла и нетерпения распахнутая пасть неумолимо приближалась к его горлу. Чудовище

ухмыльнулось и лизнуло его шею мерзким длинным покрытым наростами языком.

Оно не торопилось, оно наслаждалось происходящим.

Ничего нельзя было поделаться.

Сергей полностью подчинился ей.

Челюсти медленно сдвигались, кончики острых кривых зубов дотронулись до шеи Сергея и прокололи её. Пошла кровь. Липким языком тварь попробовала её на вкус и чуть разжала челюсти с тем, чтобы с силой вонзить их в горло беззащитного обречённого.

Вдруг тварь замерла.

Всё так же не отпуская рук Сергея, она отвела пасть от его горла и повернула голову на сто восемьдесят градусов, уставясь себе за спину.

Чудовище удивлённо смотрело на меч, упёртый между его лопаток.

Подняв взгляд, оно посмотрело в лицо средних лет мужчины, держащего этот меч так, как будто он вот-вот вонзит его чудовищу в хребет.

Тут же его морда преобразилась в лицо несчастной девочки, и тварь в слезах прорыдала:

– Помогите! Они меня толкнули, ударили, отобрали телефон!

– Не-а! – покачал головой мужчина. – Не прокатит!

Мгновенно тварь оскалилась, отпустила руки Сергея и издала рык, но тут же превратилась в клокочущий коричневый

дым, который всклубился, бурля, и исчез, как будто ничего не было.

Меч, пронзив остатки дыма, воткнулся в пустоту. Хлопнула оказавшаяся распахнутой дверь.

– Я вернусь! – гулко прорычал злобный голос в подъезде.

– Я знаю! – ответил незнакомец и повернул ключ в замке.

– Что это было? – дёрнувшись, словно сбрасывая с себя навалившийся морок, хрипло спросил Сергей.

– Встань с колен и надень штаны! – произнёс незнакомец. – И шею одеколоном промой, не хватало нам смерти от трупного яда.

Сергей медленно, словно бы очень устало, поднялся на ноги и оглядел свои руки. На запястьях наливались синяки. В памяти пронеслось произошедшее, и тут он осознал, что как встал с кровати в одних трусах, так перед этим мужчиной сейчас и стоит.

– Вы кто? – спросил он у незнакомца.

– Сначала штаны. Потом поговорим.

5358210738983326521684323762968336199496

– Кобыла! Кобыла! – кричали дети, бегая вокруг. – Смотрите, люди! Варяг на кобыле едет!

Смерды пытались не улыбаться и натужно прятали в горле свои смешки, старательно отводя глаза и пытаясь одновременно и смотреть, и не смотреть. Лицо Варяга было камен-

ным и не выражало ничего.

Варяги никогда лошадей не любили. Войдя в Новгород на отобранном пару лет назад у норманнов-викингов драккаре, первое, что они сделали, это прямо на причале узнали, где можно купить боевых коней. Новгород – город большой, но Варяги ничего не понимали ни в боевых лошадях, ни – тем более – во всём, что с ними связано, более того – на лОдьях и драккарах лошади делать нечего. На лодье-то точно, драккар-то побольше будет, раза в два, чего он его и взял. Вместо двух лодий один драккар – и проще, и лучше, и люди все в одном месте собраны. Ох и намаялись они с ним на волховских порогах! Денег уйму потратили на припорожных помощальщиков. Весь Холопий городок впрягли. Всё прокляли! На брёвнах волокли. Только вёсла два дня таскали. Двое чуть не порубились вообще. Но чем больше корабль – тем лучше для Варяга.

А кобыла была хорошей. Сильной, мощной, статной. И запросили за неё достаточно её породе, вот только не сказали, что русские витязи на кобылах не ездят, а ездят на жеребцах. Старший сын, кстати, себе жеребца купил. Ехал он правее и чуть сзади и был мрачнее тучи, поскольку понял, что теперь по гробовую доску его отец будет «Кобыла», поскольку такое прилипает навсегда, как бы дело потом ни пошло. Знать бы ещё, как его прокличут... Ещё трое сыновей остались на драккаре, а младший же отправился в сопровождении мечника Ярия по рынку погулять и должен был подойти ко вхо-

ду в детинец, чтобы представиться князю Симеону. Время было напряжённое, и встреча с князем в сопровождении наследника и младшего сына должны были показать степень доверия, поскольку с шестилетним ребёнком и наследником фамилии ни один вражина бы к князю не пришёл. А положение было напряжённым. Князь только недавно Новгород захватил.

Да и задача у него была серьёзная, на века. Тайная. Зло, которое купцы с собой из-за моря тащат, стало Русь ночами терзать, дрянь какая-то по ночам на людей нападает. Зло древнее, за Русским морем было, да сейчас с кораблями на нашу землю перешло. И, главное, по всей земле поползло! Даже домовые звереть начали, как будто их по ночам что-то гоняет. Кошки этих тварей видят, собаки чуют, но от этого не легче – только мелкая тварь кошек да собак боится, а как на страхе да горе людском отожрутся – не боятся больше кошек они. Бывшие в Новгороде рассказывали, как в тереме что-то из угла недобро взглянется и смотрит, и злой такой взгляд, даже через кольчугу чувствуется. А кошка в этот угол уставилась, и замерла неподвижно, и полвечера так просидела, а потом как сбежит! И на людей ночами нападать начало, отожралось, видать. А хворого да слабого так вообще уходить может намертво. Из-за этого мор великий по землям пошёл – люди выздоравливать не могли, любая болячка деревнями, говорят, в странах тех народ выкашивала. Из Орды, говорят, везут и из-за Русского моря.

Вести же были одна тревожнее другой. Рассказывали, что во сне эти твари в человека входят и морочат его, и что поедом едят, и что нет тому человеку покоя, только лишь печаль-тоска, и делает он не то, что хорошо. Могут и вообще заморочить – дети сами в лес уходят непонятно почему, и не найти их потом. А то и жить могут за него, вообще тогда плохо: подсаживаются, человека нет, а тварь в нём за него живёт и в нём по земле ходит! Также говорили, что на князя Симеона такая тварь нашла, и что поэтому-то он на Новгород-то и напал, и что покоя ему нету, и что эта тварь его ушатает. Говорили, что как в Орду-то съездил, так там как будто подменили его.

А в Москве – так вообще в дома ночами приходят, и людей поедом жрут, горла выгрызают, обезображивают или утаскивают незнамо куда. И, главное, вот есть следы – а вот их и нету. Как сквозь землю провалились или улетели куда, даже крови нет.

А ещё говорили, что это зло – и не зло вовсе, а так, мелочь, по сравнению с тем, что из-за моря прибыть может, ежели так и дальше пойдёт. И что за морем оно над царями встаёт, и царей морит, морочит и с ума сводит, и что начинают они ради трона под идолом этой твари безымянной отцов своих травить да убивать, и что люди начинают зверствовать, и что земля ту тварь не держит, и многое чего. И что зло это может Варягов с порядка выморочить да вывести, и их надо будет снова как-то на троны возвращать. А вопрос-то века-друго-

го! Вот Деды-то его и выбрали тайно Варягов рядом ветвью проложить. И ему, лазутчику, нужно было во что бы то ни стало зацепиться, закрепиться у Симеона, которого специально для этого в Новгород на несколько недель на мировую пригласили, и в бояре с улицы залезть, пока князь в Москву с Новгорода обратно не уехал. Сам же Симеон, естественно, ни о чём не подозревал.

И вот он здесь, в Новгороде, подъезжает к детинцу.

Младший уже ждал его, радостно улыбаясь и держа в руках маленького рысёныша, видать, только что купленного на рынке, с верёвочной петлёй на шее, предусмотрительно намотанной на руку, чтобы не убежал. Рысёныш – видно – был ручным и испуганно жался к мальчику, уткнувшись ему носом в плечо и дрожа огромными по его малому возрасту ушами. Видать, охотник подобрал и выкормил, а теперь продавать принёс. Варяг вопросительно посмотрел на Ярия. Тот развёл руками с выражением «Твой же сын, что я сделаю? Он захотел – я купил!».

На крыльце княжеского терема показался шут. К нему тотчас же подошёл какой-то холоп и – показывая взглядом на Варягов – стал что-то быстро нашёптывать на ухо дураку. Пару раз хихикнув, он деланно исподтишка указал на лошадь Варяга. Шут заулыбался и, внимательно осмотрев троицу, заголосил:

– Кобыла, жеребец и кошка! Люди, радуйтесь! С севера зверинец привезли, нам на потеху, добрым людям на почёт!

Кобыла пришла, жеребца привела! Главное, чтобы по весне не воевали, а то жеребёнка навоюют!

Холопы заржали. Старший сын со всего размаху впечатал себе руку в лицо. Он понял, как отныне звать его будут и что от «Жеребца» теперь не отмоешься. Сам же Варяг улыбнулся и расслабился, так как заметил, что из верхнего окна кто-то осторожно, но внимательно смотрит на них, изучает их реакцию, и нужно было составить о себе правильное впечатление.

– А кошка не блохаста ли? – между тем не унимался шут. – Как в горницу-то запускать, авось натрясёт!

Холопы снова засмеялись.

– Заткнись, дурак! – не выдержал старший сын. – Не видишь, что ли, над кем зубоскалишь?

Стражники-витязи, не смеявшиеся над шутками дурака, а внимательно следящие за гостями и происходящим, напряглись. Лицо Ярия окаменело, он подошёл поближе к увлечённому рысёнышем и абсолютно не смотрящему за происходящим мальчонке и положил ему сзади руки на плечи.

– Ну, дурак-то не дурак-то, а на крылечке я стою и вниз смотрю, как жеребец лютует! – рассмеялся шут, продолжая провоцировать гостей. – А ну как не пуцу! Я-то по дуракам поди поглавнее князя разбираюсь!

Зрители снова грохнули смехом. Варяг поморщился. Сын явно не понимал, что происходит и что шут специально заводит его, а зрители – не холопы с воинами, а совсем другие

люди. Нужно было срочно спасти ситуацию.

– А ты, смотрю, весёлый и на язык горазд! – улыбаясь, громко произнёс он. – А ну, как плясать-то умеешь, так же хорошо? А то малого попрошу, он тебе с кошки блох-то одолжит, с ними-то плясать веселее! Только всех потом верни, а то так люд честной тебя-то и запомнит, что дитё малое на блох шельмуешь!

Холопы снова засмеялась, но теперь над шутком. Витязи слегка расслабились и улыбнулись.

– О! Кобыла заржала, видать, понесла! – мгновенно переключился шут на него. – Несла-несла, да Варяга принесла! Где б таких кобыл набрать, что Варягами несутся?

– Так а чего не плясешь-то? – осклабился Варяг. – Сам блох своих боишься растрясти? Боишься, что дворовый кот своих блох узнает? Смотрите, люди добрые! Шут кота на блох обворовал!

Тут уже засмеялись все – и холопы, и люд, смотрящий за происходящим, и стража князя заулыбалась, и какие-то мальчишки побежали, звеня ярким, прозрачным, залившимся смехом и крича:

– Шут кота на блох обворовал! Шут кота на блох обворовал!

Дурак потерялся. Он замешкался, не зная, как на это отвечать. Его обыграли. Только он собрался что-то сказать, но из верхнего окна показалась рука в тяжёлых перстнях, которая махнула, и тут же два конюха подбежали и взяли лоша-

дей под уздцы.

Варяг расслабился. Эту проверку он прошёл.

Ярию поднесли чарку, а к его младшему сыну подбежали две мамки, и все трое вопросительно посмотрели на Варяга. Ярию он едва заметно кивнул, тот убрал руки с плеч мальчика и принял чарку, но с мамками на женскую половину Варяг сына не отпустил. С собой взять решил и – когда спешились – положил ему руку на затылок и едва заметно подтолкнул к лестнице в терем.

– Смотрите, люди! Кобыла, жеребец и кошка к князю в горницу идут! – закричал было шут, но его никто не слышал. Все смеялись, и по городу неслось:

– Шут кота на блох обворовал!

4282570969826315822754822336935978807060

Ник «Вятич» он выбрал практически случайно. Ему ножик подарили, который так назывался. Так его там и знали. Вопросов было как всегда больше, нежели ответов. И вот сейчас он снова и снова задавал себе один и тот же вопрос: что же он тут делает и зачем ему это всё.

Началось всё относительно недавно. Однажды – засыпая – он вдруг обнаружил, что перед тем, как провалиться в сон, его тело как-то странно вздрагивает, но перед этим он неожиданно для себя обратил внимание, что всегда перед этим он слышит какой-то странный возглас. Он стал следить

за процессом своего засыпания и с уверенностью отметил эту странную закономерность: прямо перед самым сном он слышит какое-то эмоциональное восклицание, как правило – всего слово-два, или даже чей-то смех, потом тело странно дёргается, и он окончательно засыпает. Ненавязчиво пообщавшись на эту тему с друзьями (он совсем не собирался прослыть чокнутым или тому подобное), он обнаружил, что нечто подобное происходит практически у всех, ну, из тех, разумеется, кто хоть когда-то на это всё внимание обращал. Но никому это интересно не было.

Тогда он начал отслеживать этот момент и столкнулся со странной трудностью: когда он пытается сделать это намеренно, то у него отследить вот этот вот переход получается хуже. Тогда он стал ставить будильники через десять минут после того, как ложится засыпать. Так за вечер он мог поймать три-четыре подобных момента, и все они шли по подобному же алгоритму: постепенное затухание сознания, восклицание, тело вздрагивает и начинается сон.

Тогда он начал пытаться удержаться на этой грани своего восприятия и довёл этот свой новый навык до такого уровня, в котором он начал слышать не просто обрывочную фразу, а кусочек какого-то разговора, причём все эти разговоры были разными. Говорили разные люди, и голосами, которые не только не встречались ему за предыдущий день, но были и вообще полностью неизвестными. Его очень заинтересовал данный феномен, он понимал, что прикоснулся к чему-то

большому, важному и серьёзному.

И вот однажды он решился. Снова поймав это пограничное между сном и бодрствованием состояние и услышав чей-то диалог, он попытался вступить в разговор.

Естественно, он сразу же выскочил из этого состояния и проснулся. Привычно переставив свой мощный, доставшийся ему ещё от бабушки советский будильник на десять минут вперёд, на сей раз стал действовать осмотрительнее.

Разговор, к которому он при новой попытке подключился, был ничем не примечательным. Судя по голосу – мужчина в возрасте заигрывал с молодой девушкой. Он балагурил, она смеялась на его каламбурчики, и именно на этот её звонкий залиvistый смех он и настроился.

– Не помешаю? – мысленно спросил он, но его явно не слышали.

– Надо же, какой Вы интересный мужчина! – кокетливо щебетала девушка. – А если я Вас боюсь?

– А зачем меня бояться? – весело спросил её собеседник.

– А мне мама говорила не знакомиться с незнакомцами!

– А как же тогда Вы с ними знакомитесь? – деланно удивлённо спросил мужчина. – Для того чтобы познакомиться с незнакомцем, с ним нужно начать знакомиться, а мама Вам не разрешает!

– Ага, хитренький какой! Я вот с Вами познакомлюсь, а Вы мне что?

– А я перестану быть незнакомцем! – рассмеялся мужчи-

на.

– Здравствуйте! – осторожно мысленно позвал он собеседников. – Не помешаю?

– Ух ты! – весело удивилась девушка. – Кто здесь?

– Да, действительно! – озадаченно поинтересовался мужчина. – Кто это здесь?

– А Вы меня действительно слышите?

– Да, слышим! – тон мужчины из озадаченного сменился на недовольный. – Что Вы здесь делаете?

– Да погоди ты! – внезапно раздражённо воскликнула девушка. – Какой голос молоденький! Кто ты? Ты где?

– Да, собственно говоря, тут, – не понял он, как объяснить то, что с ним сейчас происходит. – А вы кто?

– Не «мы», а «я», – внезапно дружелюбно ответила девушка. – Какой у тебя хороший голос. Молодой, интересный. Кто ты?

– Вот именно!.. – начал было мужчина, но девушка перебила его:

– Да отстань ты! – И появилось ощущение, что мужчина как будто исчез, словно бы его выбросили куда-то, как будто бы отключили, и они как бы остались одни.

– Какой у тебя хороший голос! – снова начала девушка. – Молодой, красивый! А ты где?

Ему эта ситуация почему-то не понравилась, и он начал думать, как бы от этой девушки отвязаться. Всё его внимание, однако же, почему-то было переключено на неё. Девуш-

ка же, видимо, как-то почувствовала это и начала его успокаивать:

– Постой! Не уходи! А как тебя зовут? Давай познакомимся! Ты такой милый! Ну где же ты? Ответь мне! Ведь это же не вежливо, в конце-то концов!

Он смутился. Да, действительно, это было как-то непорядочно. Ведь это именно он же влез в их разговор.

– Слушай, давай я тебе спою! – неожиданно предложила девушка.

И запела. У неё был красивый и мелодичный голос. Пела она очень хорошо. Слов в её песне не было, она просто напевала мелодию, какую-то неизвестную, странную и сразу же засевшую у него в голове.

Он расслабился. Ему было очень хорошо. Думать ни о чём не хотелось, и через минуту-другую он просто про себя подпевал этой милой и замечательной девушке. Такой милой и такой замечательной.

– Где же ты, милый? – пропела девушка, не останавливаясь и продолжая поддерживать голосом мотив. – Давай, подпевай мне! Подпевай! Ты такой милый, такой хороший. Пой со мной. Я слышу тебя. Нам с тобой так хорошо! Подпевай, подпевай...

Мыслей никаких не было, он словно плыл по волнам её голоса, абсолютно не замечая того, что девушка стала петь на незнакомом ему языке. Её слова хоть и были непонятны, но очень нравились ему. Он как бы стремился навстречу этой

песне, полностью открывшись её напеву.

– Где же ты, милый? – всё так же ведя эту мелодию, распевно спрашивала девушка. – Подожди немного! Я ищу тебя! Давай, пой со мной! Анда-агниш, рага-ак, илалия-ига-и, аку-хараш-инстанца, та-е-шиват хурта-мити, у-тавана та-верия, у-тавана та-верия, у тавана та-верия. Подпевай!

– У-тавана та-верия, утавана та-верия, – пел он, не думая ни о чём.

– Какой ты умный, какой ты хороший. Какой ты молодец! – смеялась девушка. – Я ищу тебя, я иду к тебе. Пой, пой!

– Эй, лярва! Тебе здесь нельзя охотиться, это центральный город, а не областной! – вдруг раздался чей-то грозный незнакомый голос.

– Отстань! – ответила ему девушка. – Не видишь, он сам меня зовёт!

– У-тавана та-верия! – пел абсолютно не замечающий этого юноша. – У-тавана та-верия, у-тавана та-верия!

– Эй, парень! – обратился к нему незнакомец. – Не будь дураком! Прекращай петь!

– У-тамана та-верия – продолжал он напевать, не замечая происходящего.

– Придурок! Успокойся! Ты же её зовёшь! – встревоженно обратился к нему незнакомец. – Сейчас же перестань петь!

Девушка засмеялась. Голос её словно раздавался ближе, и смех этот был почему-то злой.

– У-тамана та-верия – пел он для неё, желая, чтобы она пришла.

– Парень, тебе же хана! Ты не знаешь, что зовёшь! – пытался докричаться до него незнакомец.

– Ой, да прекрати уже. Всё равно ты ничего не сделаешь, – сказала ему девушка. – Не видишь, что ли, этот умный мальчик сам зовёт и хочет меня.

– Парень! Если выживешь – зови меня! – обратился к нему незнакомец. – Имя своё никому не говори! Я Водитель! Запомни! Я Водитель!

А он всё пел и пел, и смех был всё ближе и ближе, и мыслей не было никаких. Девушка подпевала ему, и ему от этого было хорошо.

Внезапно раздался оглушающий звон советского будильника. Резкий, пронзительный, он словно встряхнул его, и он перестал петь и начал сбрасывать с себя это странное состояние одурманенности и просыпаться.

Девушка закричала, зло и разочарованно, как будто у неё что-то отбирают. Её голос удалялся.

– Не нашла! Не нашла! – кричала она.

Он испуганно вскочил и сел на кровати. Его всё ещё немного вело. Станный привкус на губах заставил его провести рукой по лицу, и он, осмотрев ладонь, обнаружил, что она вся в крови. На дрожащих и негнущихся ногах подойдя к зеркалу, он обнаружил, что из носа у него идёт кровь.

Сергей сидел на кухне и дрожащими руками пытался размешать сахар в чае. Ложечка сильно билась о стенки чашки и больше гремела, чем размешивала воду. Его неожиданный спаситель сидел напротив и ждал, когда же тот успокоится. Его меч лежал на столе. На навершии висела чёрная бейсболка с аббревиатурой «DoY». Оба молчали. Ручка входной двери несколько раз качнулась вниз. Её явно пытались открыть снаружи.

– А вот и папарацци! – произнёс незнакомец, надел кепку и, взяв меч, вышел в коридор.

Открыв входную дверь, он молча показал кому-то меч, после чего снова закрыл её и вернулся на кухню. Сергей испуганно посмотрел на него.

– Кто там был? – спросил он. Его колотило.

– Да, не обращай внимания. Папарацци приходили, поняли, что ничего им тут не светит, и ушли.

– Какие папарацци? – не понял Сергей. – Журналисты, что ли?

– Если бы! – отмахнулся незнакомец. – Папарацци – это мы их так называем. Папратары, осквернённые. Служат этим всем. Занимаются зачисткой после нападений. А потом остаются ждать родных, чтобы память вычистить. Ну или просто уходят, и ещё одним пропавшим без вести становится больше. Но тут целых трое пришли, значит, эта тварь не сказа-

ла им ничего. Мощная, видать, раз их трое. Вообще тебя бы вычистили, даже с документов бы постирали.

– Как это – вычистили бы вообще?

– Сейчас объясню, – произнёс визитёр и достал из-за пояса нож.

Сергей испуганно вздрогнул.

– Да не бойся ты! – улыбнулся незнакомец. – Я тебе никакого вреда не причиню. И даже резать тебя не буду. Просто ровно сиди и не дёргайся!

С этими словами он подошёл к юноше, и расположил нож кончиком острия над переносицей чуть выше бровей на расстоянии пары сантиметров от головы. Неожиданно у Сергея возникло странное и непривычное ощущение в этом месте, которое пошло внутрь головы. Незнакомец медленно покрутил нож влево-вправо, как будто расширял какое-то отверстие остриём. Ощущение стало неприятным, в голове зазвенело. Сергей отдёргнулся.

– Что это такое? – спросил он.

– Что, сильно неприятно? – удивлённо поинтересовался незнакомец. – Ну дай тогда маленький кухонный ножик, им будет послабей. Только лезвие чтобы узкое было, так эффективнее.

– А зачем это? – спросил юноша.

– Морок ослабить. Нож давай.

Сергей дал ему овощной кухонный ножик, и тот продолжил свои манипуляции. Ощущение усиливалось, но уже

не так резко, как минуту до этого. Через некоторое время незнакомец произнёс:

– А теперь закрой глаза. Я подвину ножик, а ты скажешь мне, влево или вправо он перешёл.

Сергей послушно закрыл глаза.

Непонятное ощущение переместилось в место над правым глазом.

– Вправо, по-моему, – сказал он.

– А теперь открой глаза и проверь.

Юноша открыл глаза. Нож действительно был над правым глазом.

– И что это значит? – спросил он.

– Ну, сейчас это не важно! – отмахнулся незнакомец. – Просто ответь мне, в первом классе вас сколько было человек?

– Ну, больше двадцати... – неуверенно вспомнил Сергей. – Может, даже тридцать. А что?

– А сколько из них ты вот прямо помнишь? – продолжил спрашивать незнакомец.

– Ну, человек десять-пятнадцать, наверное.

– А поточнее? Ну, вот как выглядели, как их звали, как себя вели.

Сергей, силясь, еле смог воссоздать образы примерно дюжины одноклассников.

– А теперь достань фотографию из выпускной группы детского сада. – попросил гость.

Не понимая, к чему тот клонит, Сергей сходил в комнату и, порывшись в выдвижных ящиках шкафа, извлёк старую папочку-памятный адрес, в которой справа были стандартные пожелания счастливой жизни, а слева – фотография их группы дошколят.

Он передал её гостю, тот посмотрел на фото и продолжил:

– Ну, вот смотри, тут два с половиной десятка детей, так?

– Ну так, – неуверенно ответил Сергей, всё ещё не понимая, к чему тот клонит.

– И в первый класс вас примерно столько же пошло, правильно?

– Ну да, правильно.

– А в девятом вас сколько выпустилось?

– Человек пятнадцать, – неуверенно ответил юноша. У него начала болеть голова.

– А остальные где?

– Ну, как где? – непонимающе ответил он. – В другие школы перевелись!

– А к вам сколько народу перевелось?

– Никто не переводился.

– Ну а теперь подумай: в каждой школе в первый класс приходит под тридцать человек. А из девятого уходят человек пятнадцать, остальные переводятся в другие школы. Правильно?

– Правильно. А клоните-то Вы к чему?

– А к тому, что ежели все так вот из школы в школу пере-

водятся, то в каждой школе и должно в девятом классе быть всё так же по двадцать-тридцать человек, и все должны помнить, как много новеньких к ним в классы напереводилось. Однако же в каждой школе – даже при нескольких первых классах – количество детей в девятом в среднем в полтора раза меньше, чем в эту школу поступило. Классы даже объединяют, но никто из-за морока об этом не задумывается. И исключений из этого правила практически нет! Вопрос: куда в таких промышленных масштабах деваются дети из школ?

Сергея повело. Такую информацию осмысливать он не хотел. На миг у него очень заболела голова, но тут же в переносице вспыхнуло это новое странное непривычное ощущение, и боль резко прекратилась.

– Но постойте! У меня в лицее – когда я туда поступал – в десятом классе было тоже народу до фига! – воскликнул он.

– Так вы с нескольких школ-то в него и поступили. Плюс те, кто сразу же учились в нём. А сколько из них в другие лицеи перевелось?

– Ну, человека три или четыре, – неуверенно ответил юноша. – А что?

– А к вам сколько?

– Ни одного, – испуганно ответил парень.

– А ты их точно вспомнить можешь, ну, тех, кто от вас перевёлся?

Сергей попытался напрячь память, чтобы собрать разрозненные и тусклые воспоминания о своих соучениках, но у

него почему-то ничего не получилось.

Новый приступ головной боли нахлынул на него.

– Это называется морок! – словно через подушку услышал он неожиданно почему-то начавший удаляться голос незнакомца. В глазах начало темнеть.

Незнакомец, увидев, что Сергей резко и неестественно бледнеет, подскочил к нему, снова поставил ему свой нож у переносицы и резко провернул его в воздухе. Словно бы острой раскалённой спицей это резкое ощущение удержало юношу от потери сознания.

– Чаю глотни! – сказал ему незнакомец. – Полегчает! Сильно оно тебя!

– Но подождите! – воскликнул Сергей. – Ведь не может же такого быть-то! Они же реально кто-то куда-то переезжает, кто-то переводится, не могут же они просто вот так вот все пропадать! И почему именно девятый класс-то?

– А потом вы все по колледжам расползаетесь, по ПТУ, лицам и прочему, а в девятом классе вас можно ещё хоть как-то по головам пересчитать. – ответил незнакомец. – А так все знают, что классы объединялись и что кто-то уходил в другие школы, но все воспринимают это как само собой разумеющееся, особенно там, где кто-то уезжал из деревни, или там, где этих классов было несколько.

– А как же это всё скрыть-то?

– Ну, для начала действительно организуются странные полубоснованные переезды с заменами шила на мыло, что-

бы движуху создать, и там уже – дело техники. Как говорится – было бы желание! Плюс мощнейший морок. Всё им накрыто, как колпаком.

– Так а что же со всеми этими детьми-то происходит?

– Как что? Их едят!

7497937094748785678162960617619098717199

Фёдор Андреевич Кошка, младший сын боярина Андрея Кобылы, отпустил охрану и остался один, смотреть на заходящее солнце. Закат над морем был как никогда чарующ. Солнце садилось над Русскими морем, и с башни Кыз-Куле открывался прекрасный вид. Золотая Орда привела в порядок эту крепость, и старые камни, помнившие тысячелетие войн, крови и надежд, отдавали солнечное тепло надвигающейся ночи.

– Здравствуй, Мансур! – произнёс Фёдор.

Подошедший – как он думал, бесшумно – сзади старший сын Эдыгэя – серого правителя Золотой Орды – смутился.

Наступила гнетущая пауза.

– Здравствуй, Фёдор, – наконец прервал молчание Мансур.

Фёдор вздохнул полной грудью и посмотрел на горизонт. Заходящее солнце раскрасило его в чарующе переходящие в синь моря закатные цвета, делая небо одновременно и невесомо лёгким, и бесконечно тяжёлым. Последний луч солнца

пронзительно сверкнул и исчез под кажущимися неразличимо маленькими из-за дали горизонта штормовыми волнами.

– Ты знаешь, зачем я пришёл? – встав рядом с Фёдором, спросил его Мансур.

– Я знаю, зачем ты отпустил охрану башни, – ответил Фёдор.

– А почему ты отпустил охрану? – в свою очередь поинтересовался сотник.

– Потому что знал, зачем ты придёшь. – ответил ему боярин.

Мансур замолчал.

Стоя рядом с Фёдором, он смотрел вместе с ним, как море выпивает последние сполохи света, отражающиеся в облаках.

– И что ты скажешь? – нарушил молчание Мансур.

– Скажу, что я хотел бы дождаться рассвета здесь один. Ты найдёшь меня здесь на рассвете, а пока давай отложим твоё дело до того, как я закончу свои.

– Ты сильный человек, Фёдор! – уважительно и с некоторой даже тоской произнёс ордынец. – Эдыгэй просил передать тебе, что Орда спрячет тебя, и твои друзья, – он как-то по-особенному отметил слово «друзья», так, что презрение не просто сочилось из каждой буквы, а просто переливалось нотками брезгливости и пренебрежения, – не узнают о том, где ты. Мы скажем им, что ты мёртв. А когда мы возьмём Москву, то поставим тебя на княжение, и ты сам решишь,

что сделать с этими твоими друзьями.

– Он всё же решился? – спросил Фёдор.

– Да, мы собираем войско, – ответил Мансур.

– Зря! – покачал головой боярин. – Орду потеряет! Слишком много у него врагов.

– Ну, так поехали в Сарай! – положил ему руку на плечо Мансур. – Сам ему об этом и скажешь!

– Ты отлично знаешь, что это невозможно! – склонил голову Фёдор. – Вы не возьмёте Москву, а ежели и возьмёте, то как только Эдыгэй уйдёт обратно в Орду, мне там жить ровно три дня. И сына моего Ивана погубят, и меня, и весь род.

– Сына! – скривился Мансур. – Твой сын – позор отца! Василием крутит, щенок, и все знают, почему. Бояр обозлил, приказы раздаёт глупые, а Василий выполняет. И бояр заставляет выполнять! Василий в два раза старше, а тут...

Сын Эдыгэя плюнул на землю.

– У сына жена на сносях, ребёнок скоро родится, – произнёс Фёдор, глядя на догорающий горизонт.

– Как это ребёнок? – не понял Мансур.

– Обещай, что не скажешь никому, – повернулся к нему Фёдор и посмотрел ему прямо в глаза. – Как бы утро нас ни встретило, в любом случае ты должен мне пообещать.

Мансур отвёл взгляд.

– Обещай мне! – настойчиво повторил Фёдор. – Ты – воин, это моя ночь.

Мансур задумался.

– Расскажи мне, почему твой отец – с фамилией Кобыла, твой старший брат – Жеребец, а ты – Кошка! – неожиданно переменял тему ордынец.

– Это не наши фамилии. У Варягов фамилий нет. С севера мы пришли, долго объяснять, – ответил Фёдор. – Ты обещаешь!
Мансур задумался.

– Ну, если утром я что велено не выполню, то твоя тайна – твоя тайна, сам будешь её носить! – после некоторого раздумья ответил он.

Задача у него была в первую очередь его в Орду уговорить, хотя он и понимал, насколько это трудно и тяжело. Если же это сделать не удастся, он должен был убить Фёдора, чтобы московские бояре увидели, что его отец идёт навстречу их запросам, и успокоились, не стали войско собирать и дали его отцу подготовиться к походу.

– Утром ты узнаешь мой ответ, – произнёс Фёдор. – Но ты пообещал!

– Да, Фёдор, – согласился Мансур. – Но смотри, я в любом случае донесу твоим друзьям, что ты умер. И лучше было бы, чтобы ты в этот момент был уже в Сарае.

– Я знаю, Мансур, – как-то тяжело уверил его Фёдор. – Знаю.

Тишина нарушалась только ветром и отзвуками шторма, пытающегося разломать скалу.

Мансур подумал, что эта тайна поможет ему склонить чашу весов в сторону решения Фёдора поступить так, как хотел

Эдыгэй. Фёдору же было нужно, чтобы Мансур не убил его сразу же, прямо здесь, и чтобы он не уехал сейчас же в Сарай. Эта ночь была ему очень нужна. Он приложил множество усилий, чтобы оказаться здесь, на вершине башни Кыз-Куле на горе Дженебез. Мансур же был твёрдо уверен, что Фёдор сюда бежал, воспользовавшись дружбой с Эдыгэем.

– А мать кто? – спросил он у Фёдора.

– Мы прячем её.

– Что же вы задумали? – спросил Мансур.

– Тяжёлые времена для вашей семьи в Орде грядут, – неожиданно произнёс Фёдор. – Многие недовольны тем, что твой отец фактически правит Ордой, хотя сам не ханского достоинства. Многие ему предательства и убийства Тимур-Кутлуга забыть не могут, тучи сгущаются. Мор страшный по земле прошёл, только-только в Диком поле погребальные костры жечь перестали, народа нет, а твой отец на Москву войско собирать задумал. Москву вы возьмёте, но сторит она, да и бедна. Народ ещё не восстановился после морового поветрия. Зря сходите. Вырежете город, Русь потеряете, развалится Русь. Не ходить вы теперь тоже не можете, но мой сын Иван вам поможет, откупится от вас Москва. Золото привезёте, почёт привезёте, а Москве оно всё равно не нужно сейчас – хлеб после мора не у кого покупать. На эти деньги Сибирского хана поддерживай, а там видно будет.

Мансур задумался.

– Спасибо за совет! – наконец произнёс он. – Однако хо-

лодает. Ночь безлунная будет, да и облака на небе, тьма идёт. Ты тут ещё побудешь?

– Да, мне подумать надо, – ответил Фёдор.

– Ну думай, Фёдор, думай. А я распоряжусь тебе огня принести.

Мансур развернулся и тяжёлым от мыслей и раздумий шагом спустился по лестнице. Фёдор остался один.

Тьма меж тем сгущалась. Последние сполохи зашедшего за горизонт и пропавшего там солнца догорали, луны не было, а звёзды затагнули облака. Через минуту поднялся кипчак и принёс Фёдору факел. Отдав его, он с поклоном удалился, и только сейчас, с факелом в руках, Фёдор понял, насколько же вокруг стало темно.

Неожиданно свет факела начал угасать, как бы переставая освещать окружающее, хотя пламя его горело точно так же. И тревога, невыносимая тревога вгрызлась в солнечное сплетение боярина. Через некоторое время тяжёлый, режущий взгляд упёрся между его лопаток, заставив его вздрогнуть. Фёдор обернулся. Факел освещал уже почти только его лицо. Непроглядная тьма окружила Фёдора.

Он знал, что оно ищет его, его порождения идут за ним из самой Москвы. Он выманил их, вытащил из задыхающихся от морового поветрия русских земель в Дикое поле, и вот здесь, сейчас должна была состояться эта встреча.

И вот оно явилось к нему. Здесь, поскольку не могло ещё на эту землю ступить, а крепости этой было больше тысячи

лет, и кто её построил – неизвестно. Явилось не само, дух его пришёл, но и этого Фёдору было достаточно, чтобы оно убило его самым простым для неё способом – страхом.

Первобытный и леденящий ужас сковал Фёдора, он еле дышал и не мог даже пошевелиться. Тьма за его спиной незримо словно бы оформилась в нечто плотное, он чувствовал это, но повернуться не мог.

«Мы нашли тебя», – даже не услышал, а почувствовал Фёдор.

– А я – вас, – неожиданно хрипло ответил он.

«Сейчас ты умрёшь», – так же донеслось до его сознания.

– Вы тоже умрёте, но потом, и никто этого не остановит!

Тьма за его спиной колыхнулась.

«Нам будут ставить храмы! Мы захватим все земли, ничто не сможет нас остановить!»

– Вы убьёте всех, и никто не построит вам ни одного храма. Только появившись, вы убили множество людей. Когда вы придёте окончательно, не останется ни одного человека, никто не построит вам ничего, и вы сгинете навечно, мучаясь от голода и бессильной злобы. Вы уже жрёте друг друга, обессиленные, с воем волочась ночами по безлюдным деревьям.

«Замолчи!» – неожиданно сильно и нечеловечески зло пронеслось и заколыхалось тысячами разъярённых воплей в клубящейся тьме: «Замолчи! Замолчи! ЗАМОЛЧИ!..»

– Ваша злоба погубит вас! Вы не можете ничего, кроме

как убивать. Вы не способны построить себе ни храма, ни убежища. Вы не способны учиться на прошлом. Вы неспособны подумать о будущем. Вы прокляты. И ваша победа над людьми станет вашим поражением. Вы сожрёте друг друга, вы будете охотиться друг на друга, ловить друг друга, убивать друг друга, пока не останется один, последний, на пустой и безжизненной земле, чтобы в страшных муках и бессильной ярости вечно подыхать от голода. Вы никогда не будете царствовать в храмах. Вы будете ютиться в руинах и проклинать самих себя за своё ненасытное естество. Вы будете прятаться друг от друга и искать друг друга в страхе, чтобы, пока ищите вы, такой же, как вы, но пока ещё сильнее не нашёл вас и не пожрал. И не будет у вас ни единого храма. Некому будет построить его. Ужас и голод ждут вас навсегда! Вечный ужас, вечный голод и вечная беспомощность, и уже вы будете молить о помощи, и никто не поможет вам! В час, когда вы победите, – вы проиграете! Мор истребит людей, вы обречены!

Пламя факела остановилось и начало гореть наоборот, словно бы высасывая ставший злым и холодным свет из окружающего воздуха. Тени, носящиеся мимо боярина, толкали его, царапали, рвали его одежду. Тьма клубилась вокруг него бешено кипящим варевом и завывала в его сознании мириадами обезумевших от ярости голосов:

«Замолчи! Замолчи! Замолчи!!!»

Казалось, этому безумству kloкочущей тьмы не будет

конца, но вдруг Фёдор почувствовал, как что-то явило свою холодную, великую и чёрную волю, и тот час же тьма успокоилась и стала кружить вокруг него медленным стонущим водоворотом.

Факел снова загорелся, но едва давал свет.

Время тянулось так медленно, что Фёдору казалось, будто это будет длиться вечно.

Наконец великая чёрная воля явила:

«Ты умрёшь!»

И наступила полная, звенящая тишина. Такая тишина, что боярин не слышал своего дыхания и не чувствовал даже стука собственного сердца.

Он ждал.

Беззвучные вдохи мерили уходящие мгновения.

«Не молчи!» – яростно ударила его чужая и чуждая воля.

– Что ты хочешь услышать? – спросил он.

«Научи!» – возникло из тьмы.

Боярин почувствовал, как ноша тяжкая на него навалилась. Тщательно взвешивая каждое своё слово, он заговорил:

– Пусть будете вы отныне слабые, средние и сильные.

Пусть сильные едят средних, а слабые не едят насмерть.

Пусть где нас много, там средних мало. Пусть между молодым и старым, между больным и здоровым выбран будет средними старый и больной. И не доводите слабые здорового до болезни, и не чтите средние младенчество за слабость.

Так будете вы рядом жить, и будет вас столько, сколько род

людской вынесет. И пока жив род мой, пусть так тому и быть.

Тьма кружила и кружила безмолвным волнующимся водоворотом. Боярин ждал.

Наконец тьма отпрянула от него, и Фёдор почувствовал:
«Да будет так!»

И тут же тьма бросилась на него со всех сторон, погасила факел и скрыла его под собой.

Жизнь покинула тело Фёдора за мгновение до того, как зло успело понять, что не оно убило его, и не поняло зло, кто из зла убил его, и разлетелось зло по тьме и исчезло.

Луч предрассветного солнца мерещащейся дымкой озарил вершину башни Кыз-Куле.

Фёдор посмотрел на своё тело, провёл пальцами по теряющему морщины забот от безмятежности смерти лицу, закрыл устремлённые в никуда стекленеющие глаза и покинул башню. Там, за мысом, его ожидал тайно подошедший отцовский драккар. Взяв поданный воином своей охраны плащ и сумку с нужными свитками и грамотами, он направился к надёжному, проплаченному взяткой выходу из крепости. Ему нужно было торопиться. Он должен был успеть выйти во время утреннего намаза, пока Мансур не обнаружит его тело и не даст тревогу на закрытие открытых на восходе ворот.

Там, в золотящемся морским солнцем разгорающемся утре, его ждала новая судьба.

Переставив бабушкин будильник на десять минут вперёд, до упора заведя его и поставив у самого изголовья кровати на табуретку, он снова с тревогой начал засыпать, чтобы уйти в это пограничное состояние. Сон не шёл. Он встал, походил несколько минут по комнате, зябко потирая свои плечи, усиленно думая обрывками предложений и пытаясь собрать разрозненные мысли во что-то цельное.

Походив немного, он кое-как успокоился. Будильник щёлкнул, готовясь зазвенеть. Переставив заблокировавшуюся механизмом стрелку, покрутив её в другую сторону, он на всякий случай задал на этот раз не десять, а пять минут, и, положив рядом с ним на всякий случай подаренный ему нож «Вятич», он снова лёг в кровать.

Через некоторое время он провалился в это своё странное состояние и осторожно мысленно позвал:

– Водитель! Ты здесь?

– Тут я! – радостно ответил ему знакомый голос. – Как сам-то? Живой?

– Да вроде нормально. Будильник зазвенел. Я проснулся от него. А что это было? И кто ты?

– Имена здесь нельзя говорить. Отдашь имя – отдашь себя, и поминай как звали. У тебя сейчас будильник снова заведён?

– Конечно! На пять минут.

– Давай, переставь его скорее хотя бы на полчаса. А лучше – на час. Нам нужно время. И скажи, как тебя звать. Только имя своё не называй никому! Это важно!

– Ну, пусть будет Вятич, – немного замешкавшись, выдал он первое, что пришло на ум.

– Оригинально! Как снова здесь окажешься – снова меня позови, я здесь буду. Зеркал, кстати, у тебя в комнате нет?

– Есть одно, на дверце шкафа. А что?

– Занавесь его. Только плотно! Это важно! И всегда занавешивай зеркала, прежде чем сюда ходить! И оденься. И в одеяло потолще завернись.

– А что тут такое... – начал было Вятич, но тут вдруг внезапно зазвонил будильник, и он проснулся опять.

Он выключил его и задумался.

Зачесалась нога.

Хмуро поскребя голень ногтями, он решился, открыл дверцу шкафа, накинул на неё плед так, чтобы зеркало было закрыто, быстро запрыгнул в лёгкий спортивный костюм, переставил будильник на час вперёд и плотно закутался в одеяло, вновь возвращаясь в то состояние, о котором ничего не знал.

– Водитель! Ты тут? – позвал он, уже с некоторой долей привычки очутившись в крошечной тьме.

– Здесь я, – ответил голос. – Как, ты говоришь, тебя называть?

– Вятич, – ответил парень, и тут же у него возникло ощу-

щение захватывания дыхания, как будто он летит вниз на сильно раскачавшихся качелях. Внезапно он оказался в какой-то затхлой комнате без окон, с каменными стенами, простой деревянной кроватью, парой табуретов и парой подсвечников на столе. Свечи в подсвечниках не горели, но в комнате было странным образом светло, хотя источников света парень никаких не нашёл. На кровати сидел незнакомец лет двадцати-двадцати пяти, худощавый, с почему-то седыми волосами. Одет он был в обычную одежду «кроссовки/футболка/джинсы», с выполненной в форме модного потёртого оттиска эмблемой на тёмно-синей футболке. Выполненная белой и рыжей красками, она напоминала эмблему автомобилей «Фольксваген», с той лишь разницей, что буквы были длинней, крайние линии буквы «W» были разделены поперёк на уровне нижнего края буквы «V» и сделаны – как и она – рыжими. Под белой буквой «W» мелким шрифтом было написано «BB-56», а вместо круга она была окружена тринадцатью рыжими звёздочками. На столе стояла потёртая и выдавшая виды пластмассовая моделька старого «Фольксваген жук».

– Где это я? – удивлённо спросил Вятч.

– Ты про конкретно это место или вообще? – поинтересовался Водитель.

– И то и другое! – ответил ему парень, задумчиво взяв со стола модельку, чтобы получше её рассмотреть.

– Положи на место! – вдруг резко произнёс Водитель, при-

вставая с кровати.

Вятич удивлённо поставил игрушку обратно на стол и вопросительно посмотрел на него.

– В тысяча девятьсот пятьдесят шестом году «Фольксваген жук» получил то, что станет одной из его наиболее отличительных особенностей, – набор двойных хромированных выхлопных труб, – услышал он объяснение собеседника, садящегося обратно на кровать. – Модели для США получили более высокие защитные бамперы и трубчатые рейки. Это – уникальная модель именно пятьдесят шестого года. Её уникальность в том, что в Америке тогда не делали модели проходных автомобилей, только престижные тачки типа «Кадиллаков» или премиум-моделей «Шевроле».

«Водитель!» – хмыкнул про себя юноша, а вслух спросил:

– Так где же мы? Ну, в смысле и там и тут?

– «Там» – это проще воспринимать как некий промежуток между миром живых и миром мёртвых, немного в стороне от сна, по-умному называется «Литораль», на сленге – «прилив», в простонародье – «промежность». Здесь ты потому, что нырнул в литораль из реального мира. Тебя терминами грузить?

– Ну попробуй! – нерешительно предложил Вятич.

– Реальный мир называется супралиторалью, нырнёшь ещё глубже – в сублитораль уйдёшь, там и мёртвых можно повстречать. У них там гнездо, или, грубо говоря, нерест. Ещё термины нужны? Или лучше сленгом?

– Не, не надо терминов! – решительно замотал головой юноша. – Давай лучше по-простому.

– Ну, тут всё проще, «земля/промежность/омут». Ну, то есть «прилив», а не «промежность». Нормальные люди литораль на «прилив» и «отлив» делят, «прилив» ближе к «земле», а «отлив» – к жмурикам. Что такое «земля», надеюсь, объяснять не надо?

– Нет, пока понятно всё. – отмахнулся юноша. – Дальше, пожалуйста, объясняй.

– Ты здесь, потому что состояние поймал, типа вздрагивания и голоса услышал обрывистые и куском? – поинтересовался Водитель.

– Да. А откуда ты... – начал было Вятич и тут же осёкся: – А хотя, да, понятно.

– Не тупи! – поморщился его собеседник и посмотрел на часы. – Запоминай! Засыпал сколько? Десять минут? Пятнадцать? Двадцать? Примерно полчаса осталось, потом у тебя будильник зазвонит.

– Извини! – стушевался Вятич. – Просто я никогда о таком не слышал.

– Проехали! – отмахнулся Водитель. – Так вот: когда человек засыпает, его восприятие перестаёт получать обычный дневной объём информации и на краткий момент начинает воспринимать происходящее в приливе. Это состояние называется «берег». Потом разум вырубается, и баюшки-баю.

Но ты не рубанулся, а нырнул в литораль. И теперь ты «кобальт». Ясно?

– А почему «кобальт»?

– Да потому, что это гномы были такие, жили в абсолютной темноте, как ты, когда только нырять научился. А теперь повтори, что усвоил.

– Ну, реальный мир называется «земля», – начал перечислять Вятич. – Это место – «прилив», дальше – «отлив», а ещё дальше – «омут». На земле – живые, в омуте – мёртвые. Я нырнул с «берега» в «прилив», и теперь я «кобальт».

– Отлично! – кивнул Водитель. – Не такой уж ты и тупой. А теперь запомни: кобальтов жрут. Пачками.

– Кто жрёт? – вздрогнул Вятич.

– Да все кому не лень! К тебе вот, например, чуть не припёрлась простая областная лярва, которую ты сам позвал, – собеседник хмыкнул и добавил: – Прости за пошлый каламбур. Но сейчас это не важно. В следующий раз расскажу. А ещё на них подсаживаются. Поэтому всегда закрывай зеркала и закутывайся в толстое одеяло. Люди фонят на сантиметр-два от тела, через толстое одеяло их не учуять. И помни: лярва – это ещё не самое худшее, там и пострашнее есть. А умерев во сне – умираешь и наяву.

– А как же бессмертные души? – удивился Вятич. – Душа же бессмертна!

– Это спорная концепция. Экклезиаст бы с тобой не согласился. – возразил Водитель и, достав из кармана смарт-

фон, открыл на нём какую-то заметку. – По Библии «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою». А у Экклезиаста «И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратился к Богу, Который дал его», то есть дал – забрал, пожил – и будет. Да и у пророка Иезекииля чётко сказано: «Душа согрешающая, та умрёт». Заметь, не в Ад попадёт, а тупо подохнет. Так что в Библии со смертностью души всё нормально. Нет, она, конечно же, бессмертна, если её не кантовать и хранить в сухом и тёплом месте, только это не означает, что её никто не может принудительно завалить. Я не слишком примитивно изъясняюсь?

– А как же... – начал было спрашивать Вятич, но собеседник его перебил:

– Потом теология, сейчас некогда. Время на исходе. Далее, всегда одевайся. Подсознание запоминает, в чём ты нырял, и в это ты и будешь одет, когда в приливе очутишься. Но если ты с девушкой красивой нырнуть надумаешь, то её, естественно, можешь не предупреждать! – хохотнул собеседник. – А теперь – про выныривание. Мы сейчас у меня в коробке. Коробка – это такое место, которое тебе очень хорошо знакомо. Оно как бы уже в приливе, но всё ещё у тебя в подсознании. Когда ныряешь – ты должен чётко представлять его, с точностью чуть ли не до соринки, и тогда ты подцепишься к образу этого помещения. И тогда ты из «кобальта» станешь «мишкой», и всё значительно упростится.

– А почему «мишка»? – поинтересовался юноша.

– Сначала о коробке. Дверь обязательно должна быть изначально закрыта. Подойти, попробуй входную дверь в эту комнату открыть.

Вятич подошёл к двери и нерешительно осмотрел её. Дверной ручки не было. Он толкнул её от себя. Дверь не шелохнулась. Он толкнул сильнее. Такой же результат.

– Она что, не открывается? – спросил он у Водителя.

– А её нет! Вообще ничего нет снаружи коробки, только темнота, кобальты и те, кто ими питается. Ну там, конечно, и другие коробки находятся, но из них никаких звуков не доносится и в полной темноте их не найти.

– А кто питается кобальтами? – поинтересовался Вятич.

– А никто этого не знает! Мы вообще о них не знаем ничего. Знаем только, что они древние очень встречаются, а некоторые молодые и сейчас только растут, что они на землю выныривать могут и что некоторые из них могут облики различные принимать. А некоторые сразу на земле живут и там уже выросли. Несколько тысяч лет назад кто-то пробку вытащил какую-то, или Пандора ящик открыла, вот они и поналезли. Короче, разные версии есть. Важно только, что они жрут и охотятся и на друг друга, и на нас. Да и живых жрут, и даже бодрствующих, и прямо на земле. Однако же, вернёмся к «мишке». Самая первая коробка – это самая известная комната, обычно это детская, в которой вырос человек. Такая коробка называется «ясли». Как правило, в них

все поначалу и сидят. А ещё у них есть «мишка». Это такой плюшевый мишка, который практически у каждого на антресолях валяется, или ещё где, и с которым человек в детстве постоянно играл и засыпал. У тебя такой мишка есть?

– У меня зайчик, – смутился Вятч и густо покраснел.

– Ну зайчик так зайчик, это не принципиально, – неожиданно равнодушно отреагировал собеседник. – Главное – это то, что человек знает, что может его порвать, но не знает или не может полностью чётко представить, что у него там внутри. Соответственно, мишка для твоего подсознания внутри полностью пустой, в нём вообще ничего нет и у стенок толщина отсутствует, не говоря уже о том, какого они цвета и фактуры изнутри. И когда его разрываешь, твоё восприятие клинит и тебя выкидывает обратно на землю. Некоторым, правда, с мишками не везёт, но это не твой случай.

– Как это «не везёт»? – встревожился Вятч. – Это что же, не срабатывает иногда?

– Ну как «не срабатывает»... – улыбнулся Водитель и снова посмотрел на часы. – У одного придурка деревянная машинка была. Он её чуть ли не грыз, чтобы вынырнуть. Я так ржал, что заикаться начал. Но всё равно я пока тебя к себе таскать буду. Завтра в одиннадцать ложись и меня зови, с одиннадцати я тебя буду ждать.

– А как зайчика брать?

– Да просто с ним спать ложишься и держишь его в руке. Так он с тобой и будет, когда в прилив нырнёшь. И запомни!

Без меня лучше просто спи, и никаких экспериментов! Да и вообще периодически нужно спать. Здесь не высыпаясь, сон – это совсем другой процесс.

– А если завтра не получится в одиннадцать нырнуть?

– А я тут тебя на всякий случай ждать буду с одиннадцати до часа каждую ночь два месяца подряд.

– А почему это ко мне такое внимание? – осторожно поинтересовался Вятич.

– Ну, у меня есть планы некоторые по поводу тебя. – уклончиво ответил ему собеседник. – К тому же как ты ляру звал – к тебе сейчас весь Питер стягивается, как мухи на варенье. Сожрут тебя балбеса, и всё. Ещё один несчастный, у которого на ровном месте сердце отказало. А ведь такой был молодой, ай-яй-яй, судьба-злодейка! Салатик в тазик по-стругают, гроб на табуреточках, пьяные могильщики, похороны в дождик. «На кого ты нас покинул?», «Я у входа сяду», «А хорошее кафе!», «Помянём без тоста». Через час курить пойдут, анекдот за анекдот, «не волнуйтесь, мужики, есть ещё пол-ящика». «Танька с Ванькой убежали, дело молодое». «А вот я в их возрасте!», а под вечер танцы. Слушай, кстати, а...

Пронзительный звон будильника выдернул Вятича обратно в кровать. Он пошевелился было, чтобы согнать полусонность и размять затёкшее тело, и тут в батарею начали бить чем-то металлическим и тяжёлым, и откуда-то сверху донеслось:

– Ты что творишь, гнида? Людям завтра на работу! Ты с какой квартиры, тварь? В гудок себе будильник запихай!

И тут же откуда-то, то ли снизу, то ли сбоку, донеслось:

– Кто по батарее долбит? Дети спят!

Откуда-то снизу залаяла собака. Сверху ей ответила другая.

Вятич испуганно подорвался с кровати и, резко схватив надрывающийся будильник, бросился его выключать. Зачем-то неподвижно замерев с замолкшим будильником в руках, он затаился и слушал, как дом оживал.

– Козлина! – доносилось откуда-то совсем почти издалека.

С другой стороны заплакал младенец.

– Я сейчас милицию вызову! – вторила ему какая-то женщина с другой стороны.

Собаки надрывались. К ним присоединилась третья.

– Семёновна! Старая кошёлка! Я тебя узнала! – глухо слышалось сверху.

– Заткните шавок! Потравлю! – заорал сосед прямо из-за стены.

– Трансформируюсь! – неожиданно раздался задорный мальчишечий голос.

– Чтоб вас всех перекосило, сволочи! – добавился новый выкрик в этот хор.

В доме напротив начали зажигаться окна. Оттуда тоже слышался собачий лай.

– Вот это даааа! – ошеломлённо прошептал Вятич и ещё сильнее вцепился в будильник.

Только сейчас он неожиданно для себя заметил, что, пока он лежал в спортивном костюме под тёплым одеялом, он взмок от пота, хоть выжимай. Он осторожно и бесшумно поставил будильник на табуретку, вытер пот со лба, и – стараясь не произвести ни одного лишнего звука – начал медленно расстёгивать молнию на куртке.

Свет он решил на всякий случай не зажигать.

8600799441220073569317606961695391128257

– Так как Вас зовут-то? – поинтересовался Сергей. – И как Вы тут оказались?

– У тебя в школе враг есть? – спросил его незнакомец.

– Ну как бы есть, – неожиданно замялся юноша. – Точнее – в той школе был, а в лицее нету.

– И как его звали?

– Андрей Колесников.

– Ну вот зови меня Андрей Колесников. Ты же его хорошо запомнил?

– Хорошо! – поморщился Сергей. – А почему так?

– Ну, судя по всему, мы эту тварь расстроили. Далеко она не ушла, ошивается где-то рядом и, скорее всего, попробует снова на тебя напасть. Но перед этим она может попытаться узнать у тебя что-нибудь обо мне, а я у тебя в голове те-

перь чётко с твоим Андреем Колесниковым ассоциируюсь, – произнёс незнакомец. – Так что я для тебя отныне Андрей Колесников. И зови меня Андреем, и думай обо мне как о нём, и его при мыслях обо мне почаще представляй. Ты же знаешь, где он живёт?

– Ну примерно, – ответил Сергей. – А что?

– А то, что эти твари в большинстве своём тупые, как пробки, и для большинства из них мы все на одно лицо, как для нас китайцы. Да ещё и ночью, ведь Андрей наш, скорее всего, спать будет в этот момент. Плюс они в темноте лучше видят, чем при ярком свете, плюс меч фонил, не до меня было, вряд ли они меня сумели разглядеть. Да ещё эта гадина мощная, так что, скорее всего, она сама заморачиваться не будет, а пошлёт кого послабее, чтобы за неё с Андриюшенькой переговорили. Ты его когда в последний раз видел?

– Вчера, на детской площадке в соседнем дворе. Он сидел там на корточках с пацанами. Послушайте, а что...

– «Послушай, Андрей!» – назидательно перебил его незнакомец, отметив это указательным пальцем в воздухе.

– Послушай, Андрей! – поправился юноша. – А что с ним будет-то?

– Ну, скорее всего, у тебя с башки через зеркало или просто мелочёвка какая обо мне информацию попытается собрать, или сон наморочит, чтобы там узнать что-нибудь, и в него войдёт. А потом окажется, что твой Андрей с полгода назад в другую школу перевёлся, никто точно помнить не

будет.

Сергей задумался.

– То есть его убьют?

– Не нужно разбрасываться такими грубыми и неизящными терминами! – поморщился его собеседник. – Он «переведётся».

– А если я не хочу? – упрямо сжал губы юноша.

– Ну что ж, не хочешь – так им и скажи, что на самом деле я не Андрей и что сожрать лучше меня, поскольку это именно я им помешал вырвать тебе горло и тебе жизнь спас. А то я им не даю снова тебя сожрать, они итак удивились, как это я неожиданно откуда-то появился. Меня они почувствовать не смогли, и нет никакой гарантии, что в следующий раз я ту тварь гарантированно не завалю. А сожрать тебя там уже дело принципа. Так что выбирай: либо Андрей Колесников, либо ты. А я и уйти могу, если тебе такой вариант не нравится.

– А где гарантия, что всё это не подстава и что это всё специально так не придумано? – поинтересовался Сергей.

– Ну, это конечно же да, именно так это и делается! – рассмеялся свежеименованный Андреем незнакомец. – У нас есть тварь, которая такие классные мороки наводит, есть ещё трое папарацци, и вместо того, чтобы на тебя морок навести и использовать тебя как им хочется, им ещё какой-то посторонний дяденька с мечом понадобился и плохо срежиссированное шоу. А теперь, внимание, вопрос: а на фига ты им по-

надобился? – это раз, что ты вообще можешь предложить? – это два, и а не пойти ли мне сейчас домой, а ты сам со всем этим квестом разбирайся – это третье. Только, боюсь, теперь оно так быстро глотку тебе вырывать не станет, что-то мне подсказывает, что она на тебе по полной оторвётся. И будешь ты очередным подростком, который утром вышел в школу, а там неожиданно пошёл в другую сторону, сел на автобус в сторону леса, ушёл в лес и там пропал.

– Что Вы меня пугаете! – воскликнул Сергей. – Так вообще не бывает! Это полная ерунда!

– А у тебя планшет есть?

– Ну есть, а что?

– Принеси его, пожалуйста. Он к вайфаю подключён?

Сергей принёс планшет и передал его визитёру. Тот начал тыкать пальцем в экран, приговаривая:

– Тааак, поисковик, голосовой поиск, «в России каждый год пропадает больше пятнадцати тысяч детей», ищем, вооот, листаем, вооот, ну, читай, смотри, как у нас в стране подростки пропадают!

И с этими словами он передал планшет парню. Тот неуверенно взял устройство в руки и начал читать.

– «Пятнадцать лет... пропал... спокойный и усидчивый...» – начал проговаривать быстро пробегаемые взглядом места текста Сергей, – «вышел из дома, но пошёл в другую сторону... по непонятной причине отправился в лес... прошёл пару десятков километров... спустя несколько суток

нашли рюкзак... непонятно, зачем он вообще пошёл...»

Сергей уставился на фотографию.

– Да ну! Гон! Такого не бывает! Не могут люди просто так неизвестно куда уходить!

– Ну, значит, всё у всех хорошо, никто никуда не уходил и никого никто не ищет. Так я пойду?

С этими словами незнакомец начал подниматься.

– Стойте! – вскочил Сергей из-за стола. – А если я полицию вызову?

– И что ты ей скажешь? «Помогите! Приезжайте!» – это понятно, а дальше-то что? «На меня напало inferнальное чудовище, девочка лет десяти—двенадцати с острыми зубами, но мужик с мечом прогнал его, попил чаю и ушёл, и поэтому вы должны защитить меня от этого чудовища, чтобы оно меня не съело ночью или чтобы я в лес не убежал»? И знаешь, что они тебе на это ответят? «Все бригады, к сожалению, заняты, но мы рекомендуем Вам не ложиться на краю, чтобы серенький волчок за бочок не укусил, когда ночью к Вам припрётся!» Или попросишь их заставить меня оставаться тебя охранять?

Сергей в замешательстве смотрел то налево, то направо, сжимая кулаки и думая, что же ему сделать или хотя бы сказать. Ему стало очень страшно.

Незнакомец тем временем уже направлялся к выходной двери, упаковывая меч в простой студенческий тубус для чертежей.

– Стойте! – крикнул Сергей.

Визитёр остановился и обернулся, продолжая убирать меч.

– Чего?

– Но ведь оно же его убьёт!

– Или тебя. А скорее всего – сначала его, а потом и тебя, потому что я уже у тебя в голове с ним ассоциируюсь, и чем ты больше грузишься, тем это сильнее. Но мне кажется, оно на всякий случай точно его уработает, поскольку про меня не только ей не понятно ничего, а так у неё хоть какая-то зацепка есть. Запомни! Ты теперь в том мире, где нет наиболее хороших решений, есть только наименее плохие. Я мог бы, к примеру, первой вспышкой прожечься по образу твоего лучшего друга, ведь это значительно эффективнее, поскольку его образ гораздо более яркий и эмоциональный и знаешь ты о нём больше, чем об этом твоём Андрее Колесникове. Но я потратил это на твоего недруга, который – как и оказалось – является банальной гопотой, и чего это ты так его жалеешь, я не понимаю

– А Вы убьёте её? – поинтересовался Сергей.

– Было бы желательно.

– То есть Вы специально охотитесь за ней?

– Именно за ней? – ухмыльнулся незнакомец и забросил тубус с мечом за спину. – Нет, их слишком много, чтобы охотиться за какой-либо тварью персонально. Считай, что вам с ней обоим повезло.

– То есть вы не будете меня защищать?

– А ты бы стал защищать того, кто тебе хамит, причём сразу же после того, как ты ему жизнь спас? – хохотнул гость и начал открывать замок входной двери. – Звони в милицию! Дядю Стёпу проси. Он продолговатый, добрый и всем помогает! «За поступок благородный Все его благодарят. – Попросите что угодно, – Дяде Стёпе говорят. – Мне не нужно ничего, – Я задаром спас его!»

– То есть Вы просто уходите, и всё?

– Ну, эммм... Спасибо за чай, извини, что натоптал, желаю успехов в дальнейшей карьере!

– А как же я? – опешил юноша.

– Ну, тебе лучше, конечно, пол-то протереть, а то я хорошо тут натоптал, ну и одеколоном на шею пшикать почаще, чтобы лучше зажило. А то от зелёнки на горле по форме укуса вокруг тебя может и днём возникнуть прилив нездорового ажиотажа. Прямо в людных и общественных местах.

– Но ведь оно же меня убьёт! – Сергея снова начало колотить.

– А так оно и меня с тобой прихватить может. И – пока я у тебя в башке за Андрея Колесникова спрятался – мне самое время оставить вас со всем вашим гастрольным балаганом в обстановке романтической недосказанности, магии и волшебства. Зато у меня для тебя есть одна очень хорошая новость: прямо сейчас ты убеждаешься, что мне от тебя не нужно абсолютно ничего! Сайонара! Шею пшикать не забудь!

– Ну пожалуйста! – тихо произнёс Сергей упавшим голосом.

Взявшийся было за ручку двери визитёр задумался.

Сергей ждал.

– Слушаешься беспрекословно. Беспрекословно! – через некоторое время наконец произнёс незнакомец, стоя к юноше спиной и глядя в дверной глазок. – Даже не слушаешься, а тупо подчиняешься! Делаешь всё, что я говорю! Все вопросы потом и в мирной обстановке. Ясно?

– Ясно.

– Ложись на живот и суй себе в рот указательные пальцы!

– Зачем? – не понял юноша.

– Удачи! – Повернул дверную ручку незнакомец. – Слово «беспрекословно» работает не так!

– Стойте! – воскликнул Сергей и бросился на пол.

– Поздно! Тебя только что сожрали! – произнёс незнакомец, опираясь на дверную ручку. – Встань и раздевайся. Полностью. Потом хлопни в ладоши над головой и разведи руки в стороны.

Сергей кинулся снимать с себя одежду. Незнакомец стоял к нему спиной, смотрел на дверь и молчал. Чуть замешкавшись, Сергей разделся догола. Помявшись, он хлопнул в ладоши над головой.

Незнакомец смотрел на дверь. Сергей, разведя руки в стороны, смотрел на спину незнакомца.

– Одевайся, – наконец произнёс он и отпустил дверную

ручку. – Вот это называется «беспрекословно»!

Сергей с облегчением быстро оделся.

– Послушайте, а...

– «Слушай, Андрей!» – поправил его незнакомец и повернулся. – Я теперь для тебя навсегда тот самый Андрей Колесников. И на «ты».

– Слушай, Андрей, а кто они такие-то?

– Чайник ставь. Сейчас расскажу.

9021540412798609954497267488871055992506

Каторга подходила к Москве-реке. Это была хорошая каторга: три ряда по пять вёсел, да по пятеро гребцов на каждом весле. Сделана она была с умыслом. Вход в трюмы, грузовые палубы и на палубы гребцов был отдельным. На нижней палубе гребцами были рабы, на средней холопы, а на верхнюю гребную палубу была куплена челядь. В этом был умысел: челядью были басурмане, и у них было оружие. Поскольку они были нерусью, то при нападении обские речные пираты ушкуйники их не щадили, да и бежать им было некуда, русского они не знали, так что им оружие можно было доверять, и не прикованы были они. От этого они были главнее холопов, и им каждому через пять лет вольную обещали и литовскую гривну серебра, отчего рублились они с ушкуйниками как за себя. Холопам же обещали, что через пять лет их в деревню отправят, дом дадут поставить и жениться раз-

решат. А рабам не обещали ничего, на то они и рабы – вещь безвольная, бессловесная, но холопы с челядью держали их в строгости, да и кормили их хорошо. Кроме того, уже двум особо отличившимся холопам шейную гривну подарили, и тоже с серебра, так что верили они и даже гордились, что на такой сильной каторге оказались.

К самой Москве Фёдор решил было не подходить, думал на Коломне стать, но кормчий настоял, что в случае чего по реке проще будет потом вниз уйти, а там Ока и Новгород, да и негоже такой простой без руководства каторге давать. А дела были тёмные. Люд лютовал, опричники ярились, морок корчил царя Ивана. Зло, его дедом со старьёвщиками привезённое, через Русское море перешло и здесь теперь обосновалось, встало на Москве. Сначала слабое, силу набрало и с ума его свело. Опричников наплодил, на Новгород с ними ходил, разорил и погубил Новгород, ограбил веси новгородские на три дня конного похода, а по пути разорил и опричнил Тверь, Клин и Торжок. Литовские лазутчики подбросили донос на то, что Новгород измены хочет. Митрополит Всея Руси Филипп не стал благословлять этот поход, и тогда по приказу царя Ивана Малюта Скуратов задушил его прямо в келье.

В Новгороде Иван особенно лютовал. Опричники его совсем облик человеческий потеряли. Обливали новгородцев смолой, поджигали и бросали в Волхов. Младенцев жарили в муке, привязывали к матерям и топили в реке, чтобы вы-

пытать у мужей и отцов, где что ценного может быть спря-
тано. Бывало, царь Иван лично за санями своими девок го-
лых по улицам волоком привязывал и таскал, пока не умрут.
Опричники не щадили никого. Горе горькое летало над го-
родом. Стон над Новгородом стоял.

Сына он своего убил. Зверствует. Бояр в медвежьи шкуры
обшивает и собаками травит. «Обшить медведно» называется.
Поруха шла по Руси, мор и нищенство великое.

Но Фёдору не нужна была Москва. Фёдору нужен был кур-
ганный лес в Одинцово. Полтысячи лет – начиная с Вяти-
чей – там курганы рыли, ставили да грабили, да хоронить
везли туда, да после мора туда телегами свозили, и место
то было проклято. Сотни курганов, забытых, разграбленных,
ушедших с старости под землю, стояли там поганой россы-
пью нечисти и беды.

Именно там зло людское на Руси и обосновалось. И Фё-
дору нужно было именно туда.

Он ещё раз внимательно посмотрел на карту, на которой
был отмечен нужный ему курган. Ему нужно было как мож-
но более точно запомнить расположение. Карта была слож-
ная. Пергаменту была сотня лет, и все эти годы не пошли ему
на пользу. Усложнялась задача ещё и тем, что предположи-
тельно курганов было три, и в каком именно кургане лежит
искомое, было неизвестно. К тому же в карте были метки о
том, что было полтысячелетия назад, и определиться на ме-
сте нынче было бы затруднительно.

В дверь постучали.

– Зайди! – повелел боярин.

Дверь открылась, и в неё вошёл десятник самострельщиков, придерживая висящий на боку для удобства поясной крюк, чтобы не зацепиться за дверной косяк. Фёдор два десятка самострельщиков взял, не любил он пищали, баловством считал, да и лазутчик из пищальника не выходит, а надо было время от времени и разъезды по берегу пускать. А по три самострельщика на каждый берег пускать да менять их лодками – так, пока супротив течения плывёшь, – и знаешь всё, и лишние глаза закрыть можно без шума особого, прямо сквозь шлем или даже кованную грудную доску одетого на кольчугу зеркала, даже за сто шагов, а простого хороняку – так и за двести-триста, а навесом неприцельно ежели – все четыреста шагов болт брал. И самое главное – из него самострельщики били не в пример точнее огненного боя, да и чаще, и меньше было с самострелом возни, а ежели навесом – то и второй раз болтом садануть могли, пока первый не попал ещё. И лёжа взвестись могли, наострились, и изготовка к бою не нужна была.

Вот с разъезда троица и возвратилась, только раньше чего-то, вот десятник и пришёл.

– Человек наш в Коломне навстречу разъезду выехал, – произнёс он. – Говорит, что Дворовые в Коломне пристать прикажут и обыск учинят. А ежели не пристанем – беде быть. Место живое, в туман не спрячемся – и врежемся, и вёсла

поломаем, много там кто с Оби в Москву-реку да обратно снуёт. С ними воевода дворовый будет, знает он много и знает, что искать.

Фёдор нахмурился. После того как никто из опричников не явился Давлета воевать, царь мнение своё об опричниках переменил, так как под видом заговоров имущих разорять да грабить именем Царским во имя Руси и правды – это одно, а в бой идти да Родину защищать – это совсем другое. Тут Иван и уразумел, что по трактирам с кабаками царю славу горлопанить да под ту дуду поборы наводить – это дело одно, а на войну ходить – дело-то совсем другое, взлютовал, показнил множество, да опричнину отменил. Плоха опричнина оказалась: только страну разорила под видом поиска крамолы да под ярмо Русь сильнее загнала, а пользы от неё не было никакой. И народ возроптал, и были многие недовольны. Но хитро отменил, в дворовый приказ переименовал, да кого понужнее да поспособнее и кто честь не потерял – тех туда перевёл, а половину добрую потопил да перевешал, чтобы успокоить народ, который на пожарищах московских и за колы взяться мог. Да к тому же часть опричников сами люди под шумок расправы кистеньками по затылочку постукали, помнят люди-то, не забывает ничего народ. А то идёт было вечерком опричник к дому своему, а его камешком на верёвочке раскрученным по голове тюк! А камешек-то в реку от верёвочки далеко летит, не найдёшь, и следов нет. А то стоят десять человек одинаково одеты да толкуются чего-то,

а от них один подбежит, кистеньком опричника уработает и снова в эту толпу, и разбегаются все потом, а кого не слышишь – не он это, с рынка шёл, слышишь – мужички незнакомые телеги обсуждают, ну он к ним и прибился и не знает ничего, а все побежали – и он побежал, а чего побежали – так то ему и неведомо. А кто сыск чинит – поусердствует-поусердствует, да и выпустит бедолагу, коли успеет выпустить, а как выпустить не успеет – так и у самого голова может через шапку треснуть без шума и следа, и другому опричнику уже мужичка-хороняку стремиться надо быстрее выпускать. Ибо все из мяса сделаны, и собака, и конь, и опричник, и любая голова камню рада одинаково. Вспомнили всё: и что было, и что полубыло, а у кого много чего полубыло – так и то вспомнили, чего и вовсе не было. И за себя вспомнили, и за того парня. А кто забыл – так тому напомним народ, да покажет, что сколько золота в дыру в затылке не пихай, а на жизнь новую всё одно не хватит. А всех хватать – так и не кистенёк это вовсе, а отвес, дом отстраивать, вишь – узелки на верёвочке через каждую ладонь, а чем мерить-то, как заново отстраиваться?

А дворовый приказ хоть и поспокойнее стал, спеси поубавилось, но дело своё знал хорошо и помешать Фёдору мог, и сильно. Это-то его и тревожило.

А карта в голову не лезла. Видать, заговорена была, чтобы как только из рук выпустишь – из головы вылетать. Задумался Фёдор крепко. Десятник ждал стоял. Времени всё

меньше и меньше было, а делать что-то надо.

В задумчивости боярин взял лежащую на столе новинку да диковину – книгу Библии Острожской, открыл на первом попавшемся месте и прочитал:

«Ангел бо Мой с вами есть, сей взыскует душ ваших. Язык бо их изстроган есть древоделею, тии же позлащени и посребрени, лживи же суть и не могут глаголати, и якоже девице красотолубивей вземлюще злато, устроят венцы на главы богов своих. Темже украдают от них жерцы злато и сребро и себе употребляют. Дадят же от них и блудницам сущым в дому, а боги украшают аки человеков ризами, боги златыя и серебряныя и древяныя. Тии же не уцелеют от ржи и молия, одеют же я в багряницу. Отирают лица им праха ради, иже от храма, иже есть множайший на них. И скипетр имут, яко человек и яко судия страны, иже согрешающаго к себе не убьет. Имать же и мечь в деснице и секиру, сам же себе от рати и от разбойник не отимет: отсюда знаеми суть, яко не суть бози: не убойтесь убо их».

«Книга Иеремии», – подумалось ему. – Мудрые слова. Ничего не изменилось с тех древних пор, как тогда у них, так и здесь сейчас. Кто кому ни молится, а одно и то же везде и всегда».

Мысли не шли.

Не разбирая и не осмысливая слова, пустым взглядом он досмотрел до конца главы и прочёл:

«Разумевше убо, яко не суть бози, не бойтесь их. Ни ца-

рей бо прокленут, ниже благословят. Знамения же на небеси и во языцех не покажут: ни просветят яко солнце, ни осветят яко луна. Зверие лучше их суть, иже могут, избеже под кров, себе пользовати. Ни единым убо образом есть нам яве, яко суть бози: темже не бойтесь их. Якоже бо во овощнице пужало ничесоже хранит, такожде и бози их суть древяни и каменни, и посребрени и позлащени. Тем же образом и хв-раст, иже во ограде, на немже вся птицы седают: такожде и мертвецу повержену во тме подобни суть бози их, древяни, позлащени и посребрени. От багряницы, и от мрамора, иже на них плеснивеет, познайте, яко не суть бози: тии бо последи изядени будут от червия и будут во укоризну во стране. Лучше убо есть человек праведен не имеяй кумиров, будет бо далече от укоризны».

Мысль. Какая-то смутная мысль появилась у него в голове. Он ещё раз перечитал последнюю часть главы и задумался о том, что в ней сказано.

«Ни единым убо образом есть нам яве, яко суть бози: темже не бойтесь их», – зацепился взгляд его за эти слова.

«Ни единым убо образом есть нам яве... Ни единым убо образом...»

Мысли начали бежать, разгоняться на этих словах.

Он прочитал последнее предложение:

«Лучше убо есть человек праведен не имеяй кумиров, будет бо далече от укоризны».

Мысль почти оформилась, появилась перед глазами и по-

что проявилась в кристальной чистоте.

– Лучше убо есть человек праведен не имеяй кумиров, будет бо далече от укоризны... – произнёс он вслух, и внезапно мысль озарила его.

– Не имей кумиров! – воскликнул он. – Не имей!

– Что? – не понял его десятник.

– Иголку мне неси, да потоньше! – приказал ему Фёдор. – И чернил склянку полную! И миску с тряпкой! И никого ко мне без моего разрешения не пускать!

И тот час же с берега раздался выстрел. Пушка велела причалить к пристани.

– Суету не разводите, причаливать как можно медленнее, но и специально время не тянуть! Кормчего предупреди! –скомандовал боярин. – И поживей давай, неси что сказал!

Через минуту он почувствовал, как каторга поворачивает. В этот момент в открытую дверь вошёл десятник, принёс требуемое и, закрыв дверь за собой, подпёр её своей спиной снаружи.

Времени было мало, работа была тонкая, но Фёдор должен был успеть. Пока он трудился, кормчий развернул целый балаган. Чуть не снёс пристань, на первой попытке оборвал канат и почти зашиб сходнями какого-то холопа. При этом ругался он как будто дыру в палубе хотел прокричать, но басурмане – они на то и басурмане, чтобы только три вещи понимать: как грести, как не грести и как всех рубить, кто на борт лезет и кого они в лицо не помнят, ежели оружие дадут.

Холопы же были предусмотрительно прикованы к вёслам, по причине «чтобы не сбежали», как и не при делах.

Как только стало ясно, что сходни брошены ровно, каторга опять не оторвётся и бояться нечему, на борт тут же поднялся дворовый воевода и вслед за ним пара десятков служилых людей дворового приказа. К тому времени Фёдор уже воткнул иголку в подволок и повелел десятнику, чтобы он главного к нему проводил. Приказные бодро разбежались по палубам и стали ждать указаний. Двое же пошли с воеводой за десятником и остались ждать снаружи, воевода же к Фёдору зашёл.

– Отдай! – с ходу повелел он. – Кто ты – мне известно, зачем в Москву идёшь – тоже, но правды тебе не будет и не удастся тебе ничего!

Фёдор достал из-за пазухи пергамент и – развернув – показал его воеводе.

– За этим пришёл? – спросил он.

Воевода потянулся было за листом, но Фёдор положил его на стол, схватил тряпку и – макнув её в стоящую на столе миску с чернилами – быстро провёл ей по изображению.

– Что ты делаешь?! – воскликнул воевода.

Фёдор же по-быстрому исчернил лист и, бросив тряпку обратно в миску, отошёл от стола.

Воевода подскочил к пергаменту, схватил его, но было поздно. Пергамент вымок чернилами почти насквозь.

Воевода злобно уставился на Фёдора. Скулы его играли

желваками.

– Оба сюда! – крикнул он.

Тут же дверь распахнулась, и за его спину словно бы впрыгнули два сурово глядящих на боярина молодца.

– Перевернуть всё! – медленно и тихо процедил воевода сквозь зубы. – Все свитки, письма, все пергаменты, всё, что найдёте, – сюда ко мне! Тут всё перетрясти! Обыскать всех! Догола раздеть! Бочки вскрыть, мешки вспороть, не найдёте – хоть доски отшивайте, или самих отправлю вёсла шевелить!

Бывшие опричники переглянулись. Один тут же бросился орать команды, а другой подскочил к Фёдору и рванул его за ворот, быстро, но тщательно обшаривая каждую складку его одежды.

Не найдя ничего, спрятанного на теле, он приказал Фёдору:

– Скидай сапоги!

Фёдор невозмутимо сел на табурет и снял их. Опричник тут же схватил обувь и, по очереди сунув руку в каждый сапог, начал шарить внутри. Не найдя ничего, он достал из-за голенища нож и, ухмыляясь, оторвал у сапог каблуки, после чего расслоил подошвы. Затем схватил шапку и распорол её. Там тоже не было ничего. Тогда он подошёл к боярину и стал спарывать и срывать с него одежду. Раздев его до исподнего, он переключился на одежду, лежащую в сундуках. Тщательно ощупывая штаны и рубахи, он бросал их на пол, у каф-

танов вспарывал подкладки, подобно первой паре уродовал остальные сапоги.

Не найдя ничего, он взял ларец с грамотами и письмами и высыпал их на стол, после чего рукоятью ножа сбил замок с другого ларца, поменьше, быстро сунул себе за пазуху горсть золотых монет и, с трудом подняв его к груди, высыпал из него деньги на пол. В разные стороны покатались монеты. Воевода подошёл к столу и начал тщательно перебирать и просматривать документы. Опричник же тем временем начал перелистывать и перетряхивать все книги, которые лежали то тут, то там, и вскрывать у них обложки. Там тоже не было ничего.

Обыск же всё длился и длился. Судя по крикам, доносившимся из-за двери, всю каторгу трясли подобным же образом, если не ещё более жестоко. Не найдя искомого, опричник вытер выступивший пот со лба и, посмотрев на икону, вопросительно взглянул на воеводу. Тот едва заметно кивнул. Тогда опричник взял её в руку и ножом оторвал от неё оклад, после чего разломал доску пополам. Там тоже не было никакого тайника.

Тогда, схватив табурет, он разбил его о палубу и переломал ножки об колено. Следующим был разломан стол, с которого боярин предусмотрительно убрал в угол миску с тряпкой и чернилами. Следующими были вспороты перина, подушки и одеяло. Вокруг начал летать гусиный пух.

– Где список? – закричал воевода. – У тебя должен быть

список! ГДЕ???

– У меня нет никакого списка, – ответил Фёдор. – Сначала делать его было глупо и неразумно, а так внезапно я бы просто не успел.

Не знающий, что ещё можно раскурочить и разломать, опричник выжидательно уставился на воеводу.

– Выйди вон, – еле слышно произнёс тот.

– Что? – не понял опричник.

– ВОООООН!!! – заорал на него воевода так, что от его злобы в стороны полетела слюна.

Дворовый испуганно метнулся на выход и захлопнул за собой дверь, подняв новые облака пуха, который снегом закружился по помещению.

Фёдор невозмутимо поднял с пола штаны с рубахой, оделся и подпоясался чудом не вспоротым ввиду своей малой толщины шёлковым кушаком.

Они стояли друг напротив друга и смотрели друг другу в глаза. Время между ними было так напряжено, что об него можно было бы порезаться.

– Это была единственная карта? – наконец нарушил молчание воевода.

– О другой я не знаю, – ответил ему боярин.

– И списка нет, – задумчиво сказал воевода. – И запомнить ты её не мог, на ней не только морок, она ещё на всякий случай проклята. Оно не найдёт его. Но и ты его не найдёшь. Ежели ты не врёшь, конечно же. А ты не врёшь, я бы это по-

чувствовал.

Из-за двери раздались удары топора. Опричники ломали скамейки гребцов и разбивали рукояти вёсел, ища тайники.

– За сколько оно купило тебя? – спросил Фёдор.

– За жизнь. Долгую, как у тебя, а может, и дольше. А без него ты ничего не сможешь мне сделать. Как и ему. Как и всем, кто сильный.

– Как и вы мне.

– Где он хоть? – поинтересовался воевода.

– Ты думаешь, я тебе скажу? – усмехнулся боярин.

– Нет, не скажешь! Но ты всё равно не заберёшь его! – ухмыльнулся воевода ему в ответ. – Тогда Москву уже ничто не сможет уберечь. Оно захватит всю Русь, всё будет подчиняться нам, мы будем расти и шириться и захватим все земли, какие только есть смысл захватить и где есть хоть что-то, что представляет хоть какую-то ценность!

Боярин молчал.

Воевода расхохотался. Подпалив пергамент от лампадки, он бросил его на золото на полу и смотрел, как тот, чадя, стораает, смрадно скорчивая валяющийся гусиный пух.

– Ты проиграл! – смеясь, воскликнул он, когда пергамент догорел и его пепельная паутина, вспыхивая исходящими на нет искорками, взлетела под потолок. – Проиграл! Твой род изведётся! А он изведётся! Он уже сейчас разрознен и размыт, Иван уйдёт с царства, и Варяги с царства уйдут, и ничто больше не сможет мешать нам! Вы уже сидите в подполах и

не выказываете носа из своих щелей. Про вас уже забыли. Ваши знания потеряны. Вас нет! Если бы вы могли бы хоть что-нибудь, вы бы его не искали, а сделали бы новый. А вы не можете его сделать! Вы проиграли! Из-за тебя!

Фёдор стоял, не двигаясь, и ничего не отвечал воеводе. Тот подошёл к нему в упор и, всё так же продолжая смеяться, крикнул ему в лицо:

– Нет! Это ты лично проиграл! Мне! Понял? Нам теперь бояться нечего!

И с этими словами он вышел, хлопнув дверью за собой.

Шум и крики начали затихать и наконец смолкли, и в дверь вошёл встревоженный кормчий, весь в изодранной одежде, в сопровождении десятников, сотника и личной охраны.

– Отчиниться, закупиться и порядок навести! – устало распорядился Фёдор и, кивнув на валяющиеся россыпью деньги на полу, произнёс: – В Москву не идём, сам поеду куда надо, один. Здесь меня ждите, а сейчас порядок и ропот заткнуть. И коня мне купите! Выполнять!

Кормчий с сотником не глядя схватили по горсти монет с пола, и все вышли, оставив Фёдора одного.

Боярин закрыл за ними дверь, задвинул засов и, подняв с пола истерзанную Острожскую Библию, открыл её на странице с посланием Иеремии и задумчиво произнёс:

– Не единым убо образом есть нам яве. Не единым. Истинно так!

Он взял валяющийся на полу нож, осторожно у самого корешка отрезал эту страницу и посмотрел её на просвет солнца в окне. Тоненькими, едва заметными дырочками, словно россыпью только-только начинающих проявляться в вечернем послезакатном небе звёзд, лист переливался картой нужного ему места. Нужно было очень осторожно, бережно, но в то же время быстро пройтись иголкой сквозь лист пергамента по каждой линии, чёрточке и букровке карты так, чтобы это не было заметно, но чтобы на две страницы иголка оставляла свой след.

Он посмотрел на просвет следующую страницу. Карта была и там. Далее двух страниц пробивать было нельзя: дырки на первом листе были бы уже великоваты и заметны. Он действительно не делал список. Подложив под страницы нож и осторожно, боясь, только бы не затупилась иголка, он колол, и колол, и колол.

Он должен был успеть. И он успел.

Он бережно сложил страницу и сунул её за пояс изнутри рубахи.

Он заберёт его. Так быстро, как только возможно. И увезёт. Далеко на север, туда, где его никому не найти. Где его будут беречь и где он отныне нужнее.

В скорости после этого оно почувствует и догадается, что его больше нет рядом. Но после того, что Москва сделала с ИХ Новгородом, ему было на это наплевать.

Вятич осторожно нырнул в прилив и позвал Водителя. Тот откликнулся почти сразу же, и вот он уже стоял в его коробке, напротив него, за столом. В руке он держал потасканного плюшевого зайчика, почему-то боясь выпустить его из руки.

Водитель без интереса бросил взгляд на зайчика, улыбнулся и сказал:

– Я знал, что ты придёшь!

– А если бы я не пришёл? – поинтересовался Вятич.

– Ну, сейчас бы не пришёл – потом пришёл бы, – ответил тот. – Вы всегда приходите. Ну, кто успевает.

– Н, ты бы всё равно ждал?

– Да, пару месяцев. Просто из тех, кто не приходит, дольше ещё никто не доживал.

– А почему ждал бы?

– Ну, не лично тебя, хотя и тебя, конечно же тоже. Просто вы и новые появляетесь примерно с такой же частотой.

– А куда деваются старые? – спросил юноша.

– В основномдохнут из-за самомнения, – поморщился Водитель. – Решают, что они уже все умные сильнее вдоль, чем поперёк, начинают самостоятельно всякую ерунду творить и попадают. Ханируют. От слова «ханá».

– Как ханируют? – не понял Вятич.

– Ну, каждый по-своему. Самое любимое – начинают

шляться там, где рано или вообще нельзя. На втором месте – на сон забивают и засыпают прямо в приливе. Потому что сон – это сон. И он нужен. Ну и на третьем месте – мульты.

– Какие мульты? – удивлённо спросил юноша. – Мульты-ки, что ли? Мультфильмы?

– Ну, так называется игра воображения. Люди думают, что они либо в осознанном сновидении, либо что они по городу ходят и гуляют. При этом они находятся на берегу, но не ныряют и не спят, восприятие у них загружено, а не отключилось, и защитные механизмы сна не запущены. Вот они и гуляют по своему воображению, открытые, беззащитные, а к ним лезут все кому не лень, что на земле, что из прилива. Вот как тот мужик, например, который в осознанном сновидении по городу шлялся, а в приливе образ этого города в это время фонил. Вот тварь к нему в сон и подцепилась, но сразу жрать не стала, а решила поразвлечься чуть-чуть. Но специфика образа такова, что он – если он более-менее реальный – подцепляется к тому месту, где он на земле, и рядом находится. Судя по всему, это где-то рядом с твоим домом. У парка живёшь?

– Относительно рядом с набережной. – нахмурился юноша. – Рядом мост Старо-Калинкин и канал Грибоедова. А что?

– Ну это хорошо, – приободрил его Водитель. – Вдоль набережной дома с большим количеством жильцов, да и вглубь тоже, а сейчас ты вообще не фонишь, поскольку у меня в ко-

робке, ну, если тушку ты нормально в одеяло замотал. Так что тебя она сейчас не найдёт.

– А что, ищет? – внутренне напрягся Вятич.

– Конечно ищет! – уверил его Водитель. – Я думаю – даже прямо сейчас.

– Водятел, блин! – раздался крик откуда-то сразу со всех сторон. – Ты уснул там, что ли?

Вятич испуганно вздрогнул и широко распахнутыми глазами вопросительно посмотрел на Водителя.

– Ох, блин, тьфу! – хлопнул себя полбу тот и закрыл глаза.

Через секунду в комнате появился какой-то ещё один третий мужчина с банкой пива в руке, критически посмотрел на Вятича, открыл банку и сделал несколько глотков.

Юноше стало не по себе, и он рефлекторно двумя руками судорожно прижал зайчика к груди.

– Где тебе хреново будет? – спросил новоприбывший и подошёл к Вятичу. – Назови плечо!

– Какое плечо? – оторопел юноша и ещё сильнее вцепился в зайчика.

– Своё, конечно же, – произнёс внезапный незнакомец. – Правое или левое. Ты не думай, ты называй!

– Ну правое... – неуверенно произнёс Вятич.

– Шантрапа! – констатировал гость, ещё раз хлебнул из банки и внезапно от души втащил Вятичу в левое плечо левым кулаком.

Юноша улетел к стене, роняя зайчика в полёте. Там он

впечатался хребтом в голые камни стены, сполз на пол, схватился правой рукой за левое плечо и заверещал.

– Всем пока! – пожал незнакомец руку Водителю, допил пиво, разорвал банку за противоположные концы и исчез.

– Твою ж мать! – орал Вятич и качался от боли, мотая головой. – Что ж так больно-то, а? Гнииииидааа! За чтоооо?

– А здесь всё больнее, чем на земле, – ответил Водитель. – Тут тело тебя не защищает, часть удара на себя не берёт, оно занято – в кроватке лежит. И тем более это не сон. Восприятие на максимуме. Как изрёк великий Кунфу-панда: «Там где дрябло – там и нежно!» Представь, что тебя прямо в нервы ударили. Хотя зачем тебе представлять, у тебя сейчас итак восемь-дэ-кинотеатр.

– И что, теперь всегда так больно будет? – простонал Вятич.

– Ну со временем научишься, да и корка нарастёт. Но когда тебя живьём жрать будут, ты узнаешь, что такое на самом деле означает «феерия чувств».

– А кто это был-то? – спросил, поднимаясь, юноша.

– Да Сказочник из Москвы. Один из мощнейших открытых событийщиков.

– В смысле – «событийщиков»? – не понял Вятич.

– Ну, как бы тебе это попроще объяснить... Событийные практики... Вот, к примеру, у тебя же бывает так, что перед походом куда-то у тебя в солнечном сплетении прям хреново, и ты идёшь туда, и там происходит какая-нибудь ерунда?

– Ну да, периодически.

– Воооот! А он не идёт!

– А бить-то зачем? Да ещё и в другое плечо-то?

– Так он в левое тебя ударить и хотел. И именно так, со всей пролетарской ненавистью. А ты это никак не определил.

– А зачем он меня шантрапой обозвал?

– Когда дворяне вернулись из похода на Париж, они привезли оттуда французскую местную моду: крепостные театры, – начал объяснять Водитель. – Очень им пасторали понравились. Ну, это типа интерактивного порнофильма с песенками про лужайку, крестьяночку и пастушка. Нанимали французских хореографов с уровнем паршивости, соответствующим доходу дворянина, и тот отслушивал крепостных. Если крепостные подходили, то их брали в театр, и всё у них было хорошо, их кормили, одевали и в поле не надо было больше пахать. А если они петь не умели и слуха у них не было или голоса – то этот хореограф при отборе говорил «chantera pas», что в переводе с французского означало «не поёт». Так что «шантрапа» – это твой потолок в событилке. Что, кстати говоря, не самый лучший в твоей ситуации вариант.

– Но ведь у меня же бывает такое, что я чувствую, что будет ерунда! – запротестовал Вятч, всё ещё потирая плечо.

– Раз в полгода? – отмахнулся Водитель. – Два раза? Три? Тут у тебя была идеальная ситуация: максимально обострённое восприятие, ты удивлён, вместо сознания работает под-

сознание, ну или интуиция, ну или как ты там любишь это называть. А ты не поёшь.

– И что же теперь делать? – спросил юноша.

– А ничего! – ответил Водитель. – Сейчас коробку будем тебе создавать.

– А как?

– Ну тут всё очень просто. Закрываешь глаза и представляешь себе свою комнату с закрытой дверью, включённым светом и наглухо зашторенными окнами. С точностью до вытертой под стол козявки. Настольная лампа есть?

– Конечно же есть!

– Ну и ты, естественно, тоже относишься к тем клиническим идиотам, которые периодически смотрят на лампочку, как она горит. Сильно ослепляет?

– Сильно! – смутился юноша, и кончики его ушей начали краснеть.

– И ты, естественно, пробовал смотреть на неё выключенную и включать, – произнёс Водитель. – А поскольку лампочка такая яркая, что даже ослепляет, а со зрением мы получаем восемьдесят процентов информации, то у тебя идёт мощнейший удар по восприятию, тем более что ты – как и остальные дебилоиды – занимаешься этим как раз, когда тебе не охота ни думать, ни делать и вокруг не происходит ничего. Соответственно эта зажигающаяся лампочка является на тот момент самым ярким событием твоей жизни во всех смыслах этого слова. Как комнату представишь – представь,

что ты так лампочку включаешь. Если всё будет хорошо – то мы там. Только к шторам не подходи.

Вятич закрыл глаза и попытался напрячь свою память, воссоздавая в уме своё родное помещение.

– Ты не торопись! – сказал ему Водитель. – Тщательнее вспоминай! А когда закончишь, подойди к лампе, посмотри на неё и включи свет.

Вятич сделал всё, как говорил Водитель, на максимальном уровне своих возможностей, подошёл к воображаемой лампе, посмотрел на неё и включил. Резкий удар света по глазам заставил его отпрянуть, он почувствовал, как его слегка тряхнуло, и он, зажмурившись уже в своём воображении, открыл глаза. Он находился в своей комнате, с той лишь разницей, что она была какая-то странная. Какие-то детали были непонятным образом изменены, например клавиатура, кнопки которой представляли собой единое целое с корпусом и не могли нажиматься.

– Типичные ясли! – констатировал осматривающийся по сторонам Водитель.

Тут взгляд его упал на висящее на стене нечто, напоминающее разноцветную схему разделки туши свиньи.

– Карта России по регионам, – задумчиво произнёс он. – Лопатка, грудинка, рулька. Тебе никогда не говорили, что ты яркая и неординарная личность?

– Говорили! – польщённо сказал Вятич.

– Врут!

С этими словами Водитель подошёл к задвинутому под стол компьютерному стулу на колёсиках и попытался подвинуть его, чтобы на него сесть. Стул намертво держался на полу. Тогда он сел на кровать. Кровать оказалась твёрдой, как камень, и не захотела прогибаться.

Внезапно откуда-то из-за окна издалека раздался уже знакомый женский смех.

Оба резко посмотрели на окно. Шторы были раздвинуты. – Придурок! – воскликнул Водитель и вскочил на ноги. – Я же сказал: шторы закрыты! Она нашла нас! Ты светишь в литораль!

Смех приближался.

Водитель встал посреди комнаты, схватил парня за руку, закрыл глаза и зашептал:

– Костя! Костя! Ну где же Костя, когда он так нужен? Не может быть, чтобы посередине Питера Костю было не найти!

Глаза его лихорадочно бегали под закрытыми веками, как будто он что-то высматривал, а смех всё приближался и приближался.

Наконец Водитель радостно воскликнул:

– Есть!

И как будто дёрнул Вятича куда-то за руку.

Они словно бы провалились куда-то и оказались в какой-то степи. Невдалеке от них стоял худой бледный юноша в очках. Он удивлённо смотрел на них.

– Здравба, Костя! – радостно воскликнул Водитель. – Ты

даже не представляешь, как ты нам помог!

– Кто это? – тихонько спросил Вятич.

– А я откуда знаю? – весело ответил Водитель. – Кастанедчик. Добро пожаловать в его осознанное сновидение.

В этот момент так же невдалеке появилась смеющаяся от радости девушка в какой-то непонятной одежде. Её одеяние всё время менялось, как, впрочем, и лицо. Оно словно жило своей жизнью, каждый миг порождая новые образы и не задерживаясь ни на одном.

– Вы кто? – спросил хозяин сновидения.

– Костя, не мешай, сейчас тут маги драться будут! – ответил ему Водитель, повернулся к нечисти и сделал пару шагов вперёд. – Эй ты, лярва!

Та тут же уставилась персонально на него и превратилась в одетую в форму из клипа про школьные годы молодую Бритни Спирс.

– Вот тебе Костя, а мы пошли! – крикнул ей Водитель. – И забудь про этого, а то солью тебя знакомым сильным, и они тебя из-под земли достанут за то, что ты такое мясо отожрала в центре города, куда тебе нельзя! А меня тебе не поймать!

Лярва задумалась.

Кастанедчик начал безуспешно пытаться встать на голову. Все уставились на него.

– Что это он делает? – несмотря на ужас, удивлённо спросил Вятич.

– А это фишка у них такая – перед смертью пытаться на

голову встать. Они так думают, что спрячутся. Только чтобы тут на голову встать, это в реале уметь надо. Но к нашему с тобою счастьем об этом Кастанеда не написал.

Лятва повернулась всем корпусом к тужающемуся кастанедчику, её образ на миг затуманился, и она тут же превратилась в какую-то мультяшную анимешную девку в платьишке японской школьницы и с глазами на пол-лица.

– Так, давай слушай сюда! – сказал Водитель Вятичу, подойдя к нему вплотную и отвернув его руками за плечи от Кастанедчика, который заворожённо смотрел, как к тому приближается лятва. – Как только она с ним в Кецалькоатль начнёт играть, сразу же рви зайчика. Только не смотри туда! Ещё насмотришься, как они сердце вырывают и живьём жрут.

– А как же он? – обернувшись на медленно приближающуюся к Косте лятву, спросил Вятич.

Водитель снова повернул его к себе.

– Ты какой конфессии? Христианин? На всё воля Божья! Атеист? Не повезло! Мусульманин? Аллах велик! Может, Перун? Тако Макошь повязала! Рви зайца, идиот!

Лятва тем временем подошла к парню, что-то задорно по-японски хихикая, ладошки её превратились в пушистые мягкие лапки, а на голове появились кошачьи ушки. Они радостно обнялись, и она согнула одну ножку вверх.

– У меня нет зайчика! – в панике воскликнул Вятич. – Я у тебя его забыл!

Пушистые лапки лярвы тем временем обратились за спиной несчастного паренька в какие-то крюковатые конечности с огромными длинными когтями, и она, прижавшись к нему поплотнее, вонзила ему их в спину. Парень ужасающе заорал.

Полный мучительной боли крик раздался из его глотки, а лярва тем временем бросила его на землю, придавила его коленом на грудь, схватила его за руку и начала с хрустом жевать пальцы и ладонь.

– Возьми меня за руку! – снова ожесточённо прошипел Водитель. – Пока Шолотль какой-нибудь не приковылял!

Несчастный тем временем пытался хоть как-то загородиться второй рукой, оттолкнуть лярву или сделать хоть что-нибудь. Тогда она взяла его свободной лапой за неё и вцепилась ему зубами и в эту ладонь, откусывая пальцы. Тот заорал ещё сильнее.

– Помогите! – кричал он. – Пожалуйста!

– Мы что же, так и уйдём? – прошептал Вятич, не решаясь оглядываться. – И какой Шолотль?

– Брат-близнец Кецалькоатля! – распалённо, но так же шёпотом воскликнул Водитель и затряс его за плечи. – Руку не дашь – уйду без тебя!

Лярва тем временем закончила отжирать кисти рук у надрывающегося от боли обречённого и начала методично перегрызать правую ногу в голеностопе, чтобы отделить ступню ноги. Звонко захрустели хрящи и сухожилия.

Плюнув в сердцах, Водитель схватил руку Вятича, и они исчезли из этого места без следа.

Лярва улыбалась. Ей было вкусно.

Её полностью устроил обмен.

9425897847954656794681109301962353691037

Сергей с Андреем снова сидели на кухне. Перед Сергеем стояла чашка с чаем, но в него не лезло.

– Спрашивай! – предложил Андрей.

– Кто они такие? – задал юноша первый вопрос.

– Ну, на самом деле, – начал Андрей, – мы о них не знаем ничего от слова «вообще». Абсолютный ноль прямой информации. Но чтобы крыша совсем не уехала, лучше иметь хоть какую-то теорию, чем совсем никакой. Нам проще думать о них как о параллельной ветви эволюции. Царство животных, царство растений, царство грибов и царство тварей. Там есть и примитивные виды, и достаточно продвинутые, и разумные тоже есть. Питаются они нашими душами, как некоей формой полей. Мы ведь практически ничего не знаем о реальной физической картине мира. Вот, к примеру, магнитные поля. Свойства их описаны достаточно хорошо, но что это такое – неизвестно. Например, считается, что его переносят электроны. Но почему, если отделить магнит алюминиевым экраном или попросту завернуть магнит в алюминиевую фольгу или даже положить его в алюминиевую коро-

бочку, то за экраном всё равно оно будет существовать? Почему такой хороший проводник, как алюминий, электроны не закоротит? А почему пластмассовая коробочка, которая замечательно электричество изолирует, тоже никак не экранирует магнитное поле? Чтобы хоть как-то его экранировать, нужно очень постараться и создать специальные устройства или пользоваться какими-то особо обработанными сплавами. А теперь представь шаровую молнию: это просто кусок электричества, без ничего. Все о ней знают, но никто не может повторить. А теперь представь себе магнитное поле без магнита. Оно невидимо, замкнуто на себя, его ничем не зарегистрировать, но оно есть. Как радиация, которую тоже чтобы зарегистрировать нужно очень и очень постараться. То есть сделать детектор, который щёлкает, можно, можно даже щелчки посчитать и циферку вывести, но телевизор, который показывает радиационную картинку на манер тепловизора, сделать пока не получается. Так же и магнитное поле нельзя на телевизоре посмотреть. И это тоже пока нельзя. А теперь смотри. Представь себе кусок угля. Это углерод. Если уголь с водой перемешать, то мы собаку не получим. Но собаки есть и состоят они из воды и углерода. А теперь представь себе, грубо говоря, собаку, сделанную из вот такого вот какого-то поля. Мы все живём в куче полей, и что-то даже регистрируем. Как радиоволны, которые, естественно, существовали до того, как приёмник изобрели. Ну и их мы регистрируем тоже. Как правило – боковым зрением, когда

они в квартире позицию меняют.

– А как же они нас жрут? – удивился Сергей.

– А у нас тоже такое поле есть. Мы им двигаемся.

– Но ведь нервные сигналы передаются электрическими импульсами! – удивился Сергей.

– Да-да, именно ими! – улыбнулся Андрей и отхлебнул из чашки. – Со скоростью сто метров в секунду. Именно такая же скорость у нервного импульса! Ты, кстати, про скорость электричества в проводе не слышал? Сколько там метров в секунду? Сто? Двести? Пятьсот? Пусть будет пятьсот, а в нерве скорость сто, потому что нерв изнутри грязный! А прямо в затылке нас всех не коротит, потому что нам пока что везёт! Человек же не является хорошим проводником электрического тока!

– Но ведь если свежееотрезанную лапку лягушки ударить током, то она согнётся!

– А ещё можно кислотой капнуть или ткнуть раскалённым гвоздём, и с тем же результатом. Это же не значит, что у нас в нервах раскалённые гвозди носятся или кислота. Если дрова облить бензином и поджечь, то это не только не доказывает, что в дровах горит бензин, но и не означает, что без бензина они сами по себе гореть не в состоянии! Более того, лапка сама неплохо сгибается и разгибается какое-то время, без того, чтобы её били разрядами. А через некоторое время битые разрядом становится бесполезно, хотя фундаментально в лапке не меняется ничего. Более того, некоторые лягушки

умеют на зиму замерзать и недохнуть, но что-то при ударе током такой замёрзшей лягушки она изо льда выламывается и не начинает.

– Ну там всё сложно! – возразил Сергей. – Я в медицинский собираюсь поступать.

– Так и здесь непросто ничего. Вот про фантомные боли ты слышал?

– Ну, отдалённо, – смутился Сергей.

– Это когда отрубленная рука болит. Есть даже термин «фантомная конечность». То есть она ощущается, как настоящая.

– Ну правильно, мозг же рецепторы не утратил, вот и воображает!

– Так в том-то и дело, что не утратил! И не должен ничего воображать. Вот когда ты сидишь за партой и от ног никаких серьёзных сигналов не поступает, ты же не воображаешь, что ноги куда-то идут! И люди, которые зрение или слух потеряли, ничего фантомного себе в голове не воображают, а живут в темноте или тишине. А там прямо полное ощущение потерянной конечности! И чешется она, и в кулак сжалась, и не дай нам Боги это испытать. Короче, эти твари питаются нашими фантомными конечностями. А если фантомного тебя сожрать или сильно повредить, то и тело твоё подохнет.

– Странная теория, – с сомнением произнёс юноша.

– Ну, по крайней мере, она хоть что-то объясняет. А теперь прямые факты: вне зависимости от эпохи, культуры, ре-

гиона, вероисповедания, социального статуса и стереотипов на всей земле люди чётко и однозначно описывают нападения этих тварей. И делят их на четыре категории. Первая категория – это мелочь размером с собаку или кошку, сидит в тёмном углу, смотрит оттуда и кошки их, кстати, замечают. Ночью залезает на кровать и, грубо говоря, откусывает кусок. Потом слабость, страх, как при инфаркте, и т.д. Это позволяет сделать вывод, что у них какие-то жала и они жрут что-то прямо из фантомного сердца, почему они на грудь-то и залезают и почему у человека паника, как при инфаркте. А кардиограмма не показывает ничего, и выписывают выжившего потом как здорового. Ты, кстати, в курсе, что при инфаркте у человека адский страх и паника? Многие во время атаки даже сознание теряют, но не помнят этого ничего. Теряют сознание они где-то на час-два, а они нападают после полуночи, когда человек уснёт, примерно во втором-третьем часу ночи. То есть человек помнит, что эта хрень напала, потом вырубается, но не осознаёт этого, потом приходит в себя, а рядом уже никого нет, смотрит на часы – а там примерно три-четыре часа ночи, и непонятно ни почему он так боялся, ни слабость почему, ни почему он пошевелиться не мог. Как-то они нас издали вырубает. Скорее, что-то стрекательное, и парализуют аналогом яда или что у них там оно. А потом мы ходим разбитые день-два и в себя приходим. Так вот, это – мелочь. Она может убить только старого и больного человека, ну или если сильно не повезёт.

– А как же то, что на меня напало? – поинтересовался Сергей.

– До него мы в скорости доберёмся, – успокоил его Андрей. – Они, кстати, и стараются на кого послабее нападать, им так проще. Раньше, в деревнях, это было событием, вокруг этого свой фольклор образовался, типа домовый душит и так далее. А сейчас у нас большие города с пригородами, в каждом сотни тысяч человек, если не миллионы, и это огромная кормовая база. Соответственно, они практически не боятся ничего, их много, и они нормально так поджигаются.

– А ты сказал, что они маленькие! – произнёс юноша. – Что же, есть и большие?

– Так и эти нормально так разрастаются, точнее – разрастались бы, если бы крупные мелких не жрали. С человеком мороки много. Проще своего поймать.

– А как же та? Она же и в домофон звонила, и видел я её! И своих она жрать не хотела! Она хотела жрать МЕНЯ!

– До этих мы ещё дойдём! И не забывай, что это просто теория. Просто подумай о том, что в атоме помимо ядра и электронов на орбитах почти сто процентов пустоты. Так что теоретически ты почти на сто процентов пустота. И одна пустота жрёт другую пустоту так, а другая – этак. Некоторые – как твоя тварь – могут переходить из одного вида пустоты в другой. Причём с содержимым желудка. Но нужно какое-то время, и тогда они прячутся или убегают, а потом следы ис-

чезают, и всё. Но сейчас не об этом. Так вот, сейчас они совсем оборзели, тусуются в крупных торговых комплексах и нападают прямо в магазинах. Идёт человек по магазину или в офисе сидит, а у него вдруг слабость, вялость, перед глазами плывёт и ноги подкашиваются. И – главное – страшно! А врачи скорой иногда даже не могут кардиограмму снять. А это его тварь жрёт посреди бела дня. А она нажрётся и снова под потолок. Но это отожравшаяся первая категория. Вторая веселее. Это реально животное. И ведёт себя как животное. Они уже больше по размерам и по последствиям встречи. Они прямо охотиться могут, они злопамятные и могут даже проявляться как реальные. Нечто среднее между волком и пантерой. А твоя тварь – это нечто третье. Она уже разумна. И может прикидываться человеком. Или была когда-то человеком. Они уже и по стенам могут ползать, и в окна залезать. А четвёртая – это нечто большее. Они выжирают человека изнутри и подсаживаются на него. Они крупные города облюбовали. Про них даже говорить не рекомендуется, могут почувствовать и прийти.

– А как они приходят?

– Через зеркала. Днём, кстати, зеркала свои проверишь. Нужно на радиорынке инфракрасный дальномер найти и измерить расстояние до зеркала. Если в метре от зеркала дальномер включить, а инфракрасный свет отразится и этот метр покажет – то зеркало нормальное. А если два метра покажет – значит, свет ушёл в зеркало, отразился там от твоего об-

раза и зеркало дырявое. Но большинство зеркал сейчас с серебром делают, они все почти дырявые. Правда, тут маленький нюанс: зеркало будет знать, что ты знаешь о нём. Тут, видишь ли, всё гораздо сложнее, чем в почти научной теории про шаровую молнию и магнитик.

– И что же делать? – спросил Сергей.

– Как что? – ответил Андрей и встал из-за стола. – Спать ложиться! Сегодня эта тварь больше не придёт, мне домой пора, а тебе на учёбу с утра. И вообще свой график тебе лучше внаглую не ломать. Больничный возьми с утра, в поликлинику сходи, а там созвонимся. Много суеты нездоровой ожидается. Будем выживать. У нас что сегодня? Уже вторник? Вот, к субботе нам с тобою нужно будет подготовиться, а в ночь с субботы на воскресенье будем её ловить.

– А как?

– Ну либо из зеркала вытаскивать будем, либо на живца.

– Мне не нравится идея про живца! – запротестовал Сергей.

– Ну она всё равно с тобой повидаться захочет, так что лучше попробовать организовать эту встречу на наших условиях. Но до субботы тебе надо будет ещё дожить.

0858454139977102050867308617668092574591

Сундук был тяжёлым.

Дубовые доски, на совесть окованные калёным железом с

висящими в петлях тремя большими замками, не внушали никакой радости Фёдору. Он смотрел со своими тремя воинами на этот сундук и думал, как же им его тащить ночами десять вёрст до Днепра, чтобы погрузить на галеас. Нет, вопрос был даже не в сокрытости – туман он поставил крепкий, вытянутую руку было не видать. Но в этом-то и была половина проблемы – они и сами не видели ничего. Вторая половина – это сам сундук. Поскольку он триста лет был спрятан на дне колодца, доски его набухли, а сам дуб заморился в торфяной воде. Разбить его они не смогли, разрубить – тоже, поскольку топор вяз в сырой и прочной древесине, а доски были с две ладони толщиной. Сундук весил пудов десять, если не больше. А то и больше, они еле выволокли его воротом из колодца вчетвером.

Кое-как они дотащили сундук до ближайшей заброшенной избы и сейчас смотрели на него и думали, что же с ним делать.

– А давайте его закопаем тут, кто-то останется охранять, а пошлём на корабль за подмогой и дотянем его! – задумчиво потирая бороду, предложил один из воинов. – А то и на подводку поставим, и...

Громом прозвучавший стук в дверь не дал ему договорить. Воины переглянулись, достали из-под плащей по пистолю в каждую руку и только успели навести их на хлипкую дверь, как та вылетела под могучим ударом ноги.

В тесную избу вошли двое стрельцов, а за ними – тот, ко-

торого Фёдор сразу узнал, хоть они и виделись два десятка лет назад.

Увидев направленные на них пистолы, они замерли, поскольку две пищали на шесть пистолей – это очень неравный обмен.

– Ну здравствуй, Фёдор! – зло и радостно поприветствовал его воевода. – Давненько не виделись! – и тут же на всякий случай добавил: – А то вышел бы к честному люду-то, там у меня два десятка человек! Поприветствовал бы!

– Здравствуй, Кондратий! – ответил ему боярин. – Да там туман такой – ни зги не видно, боюсь, с каждым лично здороваться придётся, да ещё пальбу учинят – вообще тоска выйдет. Сами же себя зря и пожгут.

Воины Фёдора заулыбались. В таком тумане стрельцы были действительно бессмысленны, сабельки их на поясах висели по большей части для красоты, и численное превосходство не решало ничего.

– А ну-ка, молодцы, – нахмурился воевода, – пульните-ка вон в того, что ближе да сильнее лыбится. А то смотрю – на их пищальках-то фитильков-то не теплится, не успели они!

Воин, про которого говорили, быстро глянул на боярина, тот едва заметно кивнул, и – пока стрельцы уцеливались в него – нажал на спусковые крючки своих пистолей. На боках у пистолей крутнулись колёсики, полки с порохом открылись и кремни, ударив по вращающимся колёсикам, высекли искру. Воин разрядился с двух рук в стрельцов, и свинцовые

пули с большой палец толщиной ударили им в головы и разбили их, как переспелые арбузы. Стрельцы тюками повалились на земляной пол.

В дверь испуганно заглянул ещё один стрелец и, получив в живот пулю от другого воина Фёдора, с криком боли исчез в тумане. По туману забегали сполохи отсветов от факелов, раненый орал, стрельцы ругались, но в избу заглядывать больше никто не хотел.

Второй, отстрелявшийся по двери воин подошёл к единственному окну и – увидев невдалеке в тумане свет факела – разрядил второй пистоль левее, ниже этого светового пятна. Раздался новый крик, видно было, что факел выпал, а стрельцы решили подотступить и попрятались кто за чем.

Первый из воинов сунул разряженные пистолы в ременные петли на груди и, сбросив плащ, вытащил из-за пояса ещё два. То же сделал и другой воин, заменив отстрелянные пистолы на новые.

Улыбка сошла с лица воеводы. Он рассмотрел охрану Фёдора поближе и увидел, что у каждого из них, помимо двух пистолей в руках, ещё и на груди и за поясом пистолы висят, и у каждого изначально по восемь.

– Что за пистолы такие хитрые? – зло поинтересовался он, глядя на боярина. – Без фитилей палят!

– А это, брат, диковина заморская, колесцовый замок называется! – радостно сообщил ему боярин. – Без фитиля стреляют. У нас их много! Хочешь, и на остальных покажем,

как работают?

– Ты, я вижу, удивлять велик! – снова улыбнулся Кондратий. – Но давай поговорим лучше. А то я вижу, что мы оба что искали нашли.

– Ну да мне с тобой разговаривать-то не о чем! – произнёс Фёдор. – Это – моё, по такому туману, что сейчас, ночью твои стрельцы мне не опасны, да и днём лучше не будет, а посреди леса да в тумане таком хоть ты полк сюда позови – избу эту не найдут.

– Да только и ты его отсюда не вытащишь! – ответил на это Кондратий. – А я и позвать могу того, кто и туман твой разгонит, и пистолы твои хитрые заморские посмотрит поглядеть. Так что спета твоя песенка, мой клад! Прошлый ты из-под Москвы вывез, этот тебе уже не увезти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.